

Рябов Петр. Личность Михаила Бакунина и особенности его философии

2020, источник: [здесь](#)

Михаил Александрович Бакунин (1814-1876), по нашему убеждению, является центральной фигурой в истории анархической мысли и анархического движения, величайшим выразителем анархического мирозерцания в теории и на практике, ближе всех других мыслителей подошедшим к формулированию основ анархического мировоззрения.

Во-первых, Бакунин был глубоким мыслителем, одаренным философом, не очень систематически, но вполне определенно заложившим основы именно философии анархизма, как цельного мировоззрения, а не только программы действий или социологического учения.

Во-вторых, Бакунин был крупнейшим практиком революционного анархического движения: если до начала его анархической деятельности в Европе имелись лишь умеренно-реформистские прудонистские группы и несколько малоизвестных анархических групп и мыслителей, настроенных революционнее Прудона (Жозеф Дежак и Эрнст Кердериуа во Франции, Карло Писакане – в Италии), то Бакунин, по выражению Макса Неттлау,

“ «стал наполнять анархизм определенно социалистическим духом и революционной волей и пытался организовать активные силы, обратившись к социально-революционным инстинктам, дремавшим, по его мнению, в массах...»

Существенно переработав и систематизировав идеи П.Ж.Прудона, Бакунин инициировал появление мощного революционного движения под анархическими лозунгами по всей Европе.

В-третьих, наконец, в своей личности М.А.Бакунин, как никто до и после него, сумел выразить основной мотив анархизма – пафос бунта, святой и бескомпромиссной борьбы за

освобождение личности и общества.

Поэтому прежде, чем мы рассмотрим его воззрения на проблему личности, скажем несколько слов о личности самого великого бунтаря.

По сей день не только на уровне массового обыденного сознания, но и в сочинениях специалистов, образ Бакунина окутан пеленой мифов и стереотипов. Клевета и ложь преследовали Михаила Александровича еще при жизни. В чем только не обвиняли Бакунина! Его называли агентом царского правительства, «реакционным панславистом», русским барином-самодуром, махровым антисемитом, покорно «кающимся грешником», раболепствующим перед царем, организатором тайного заговора в Интернационале, нечаевцем, сторонником тотального разрушения и аморализма! Эти штампы заменяли реальное изучение практической и, особенно, теоретической деятельности М.А.Бакунина. Но, если практическая деятельность Бакунина представлена широкому читателю в вульгаризированном и окарикатуренном виде, то еще более неизвестна и неизучена его философская мысль. Не только большинство марксистских авторов, но и мыслители других направлений, например, такие разные, как Н.А.Бердяев или Альбер Камю, находятся в плену этих старых стереотипов и шаблонов. Так Н.А.Бердяев представляет в своих работах М.А.Бакунина как «огромное дитя», «русского фантазера, неспособного к методическому мышлению», всемирного разрушителя, апологета насилия и врага личной свободы. Альбер Камю почти отождествляет Бакунина с Нечаевым, представляя русского анархиста проповедником политического цинизма, панславизма и диктатуры:

“ «в горниле всеобщего отрицания он испепелил, в числе прочего, и моральные ценности»

Камю, подобно Бердяеву и многим другим авторам, рассматривает Бакунина как предтечу большевиков по части разрушения, насилия и жестокости:

“ «Бакунин, в такой же мере, что и его противник Маркс, способствовал выработке ленинского учения», – полагает Камю.

Но достаточно отойти от устоявшихся стереотипов и кинуть взгляд на жизнь Бакунина, перелистать написанное им, прислушаться к характеристикам, которые давали ему люди, близко его знавшие, чтобы совсем по иному оценить эту великую личность, эту «львиную натуру».

В.Г.Белинский в письме к Боткину писал о Бакунине:

“ «Это... человек в полном значении слова»

Герцен о Бакунине:

«Бакунин имел много недостатков. Но недостатки его были мелки, а сильные качества – крупны. Разве это одно не великое дело, что, брошенный куда б то ни было и схватив две-три черты окружающей среды, он отделял революционную струю и тотчас принимался вести ее далее, раздувать, делая ее страстным вопросом жизни?»

Александр Блок о Бакунине:

“ «Мы читаем Бакунина и слушаем свист огня... Мы, уже, наверное, можем забыть мелкие факты этой жизни во имя ее искупительного огня... Зайдем огня у Бакунина!»

И, наконец, сам М.А.Бакунин так характеризовал себя в «Исповеди»:

“ «В моей природе был всегда коренной недостаток: это любовь к фантастическому, к необыкновенным, неслыханным приключениям, к предприятиям, открывавшим горизонт безграничный и которых никто не может предвидеть конца. Мне становилось и душно и тошно в обыкновенном спокойном кругу. Люди обыкновенно ищут спокойствия и смотрят на него, как на высочайшее благо; меня же оно приводило в отчаяние; душа моя находилась в неусыпном волнении, требуя действия, движения и жизни»

Главное душевное качество «Мишеля» (так его называли и подростком в кругу семьи и стариком в кругу швейцарских рабочих), по его признанию, это –

“ «любовь к свободе и неотвратимая ненависть ко всякому притеснению, еще более, когда оно падало на других, чем на меня самого... Я считал священным долгом восставать против всякого притеснения, откуда бы оно ни приходило, и на кого бы ни падало. Во мне было всегда много донкихотства: не только политического, но и в частной жизни»

Жизнь Бакунина похожа на легенду. В числе его друзей в России и за границей: Н.В.Станкевич, И.С.Тургенев, А.И.Герцен, В.Г.Белинский, П.Я.Чаадаев, Г.Гервег, Р.Вагнер, Ж.Занд, А.Мицкевич, П.Ж.Прудон, А.Руге, В.Вейтлинг. Его оппоненты: П.Л.Лавров, Дж.Мадзини, К.Маркс. Это Бакунин вдохновил Рихарда Вагнера на создание образа неистового Зигфрида в его симфониях; это Бакунин был прототипом Рудина у Тургенева и Ставрогина у Достоевского.

В юности – увлечение философией, дискуссии в московских салонах или в родном доме в селе Прямухино, затем – переход к практической жизни, к революционной деятельности – участие в революции 1848 г. в Париже (в феврале), призывы к общеславянскому восстанию, командование на баррикадах в Праге и Дрездене, арест, смертные приговоры в Саксонии и Австрии, двенадцать лет крепостей и ссылки в Саксонии, Австрии и России (в том числе,

казематы Петропавловки и Шлиссельбурга, где, в результате «человеколюбивого обращения», Бакунин лишился всех зубов и заболел цингой), фантастический побег из Сибири, содействие польскому восстанию 1863-1864 гг., работа в «Колоколе», активное участие в революционном движении в Италии, Испании, Швейцарии, России, борьба в Интернационале против авторитаризма Маркса, организация восстаний в Лионе и Болонье...

Революционная деятельность Бакунина не имела границ и была грандиозна по своим масштабам. Он помогал полякам, выступал в Швеции, направлял эмиссара – анархиста Дж.Фанелли в Испанию организовывать Интернационал, поднимал соратников на восстание в Лионе, вел успешную полемику против Мадзини в Италии, где был создателем мощного анархического движения и инициатором восстания в Болонье, организовывал Юрскую (анархическую) федерацию Интернационала в Швейцарии, сражался в Париже, Праге, Дрездене, вел революционную работу с болгарами и сербами, финнами и чехами, неоднократно участвовал в русском революционном движении: сотрудничал с «Землей и Волей» 1860-ых годов, участвовал (к несчастью для себя) в нечаевской пропаганде, был вдохновителем бакунистских кружков на юге России. Одно перечисление созданных им организаций, написанных программ и уставов, заняло бы много страниц. В конце жизни, исполненной тяжелейших материальных лишений, клеветы и поклепов со стороны врагов, после травли, организованной против него Генеральным Советом Интернационала, после поражения ряда восстаний, Парижской Коммуны и победы Бисмарка во франко-прусской войне (эта победа, как пророчески предвидел Бакунин, наряду с оппортунизацией части рабочего движения, предвещала длительное и повсеместное торжество реакции, бюрократии и милитаризма в Европе) – М.А.Бакунин не был морально сломлен, хотя он и отошел от практической революционной работы, а пессимистические настроения в его мировоззрении усилились.

М.А.Бакунин не был «непогрешимым рыцарем без страха и упрека». В своей бурной и поистине фантастической деятельности он допускал немало ошибок, которые могут быть поставлены ему в вину. Большинство из них связаны с его способностью чрезмерно увлекаться самому и увлекать других открывающимися перспективами, порой идеализируя эти перспективы и, по выражению Герцена, «путая второй месяц беременности с девятым». Бакунин нередко принимал желаемое за действительное, преувеличивал степень готовности масс к революции, испытывая порой чрезмерные иллюзии – то в отношении «революционного бюрократа» графа Муравьева-Амурского, то «царя-освободителя» Александра II, то молодого поколения русских нигилистов, склонен был преувеличивать (обманывая себя самого и других) силы «Земли и Воли», а также силы «Комитета», будто бы стоящего за спиной С.Г.Нечаева, идеализировал «разбойный элемент» в русской жизни, допускал неразборчивые поступки – блефы и мистификации, чересчур увлекался конспиративно-заговорщической стороной революционной работы (не случайно он одно время был масоном) и так и не сумел создать свободного от противоречий и ошибок учения о революционной организации. Бакунин также, безусловно, несет свою долю моральной ответственности за действия С.Г.Нечаева [95] и за отдельные националистические (антинемецкие и антиеврейские) выпады в своих работах.

Все это отнюдь не украшает Михаила Александровича и диссонирует с его обликом беззаветного революционера, интернационалиста, бунтаря, борца за человеческую свободу

и достоинство. Но – не ошибается только тот, кто ничего не делает, а Бакунин сумел в своей жизни сделать бесконечно много. Жизнь, борьба, революция были его подлинной стихией. Еще в письме к Георгу Гервегу в августе 1848 г. М.А.Бакунин писал:

“ «революция скорее инстинкт, и как инстинкт она дает свои первые битвы. Вот почему философы и политики, имеющие в кармане готовые системки и пытающиеся заковать в определенные формы и границы этот необъятный океан, – вот почему они также оказываются столь же глупыми и бессильными. В них нет ни капли этого инстинкта, и они боятся искупаться в волнах этого океана»

Сам Бакунин, как никто умел купаться в этом океане революции. По замечанию Алексея Борового:

“ «В этой работе – стимулирования революционной энергии, одушевления, – Бакунин не знал себе равных. Его революционаризм – неистощим, фантастичен и вместе глубоко реален, поскольку фантастична и реальна сама революция»

А П.А.Кропоткин, общавшийся со швейцарскими рабочими-анархистами, знавшими Бакунина, особо отмечает:

“ «Поразило меня больше всего то, что нравственное влияние Бакунина чувствовалось даже сильнее, чем влияние его как умственного авторитета»

И это влияние достигалось «Мишелем» без всякого авторитаризма, – ибо он был глубоко либертарен и пронизан духом уважения к человеческой личности, прост и скромен до аскетизма и начисто лишен тех «генеральских» амбиций и тщеславия, которые, увы, характерны для многих общественных деятелей.

Михаил Александрович Бакунин – человек-легенда: теоретик, практик, публицист, организатор, оратор, трибун, военный руководитель, герой, пророк и мученик – все в одном лице! Будучи величайшим знатоком философии Гегеля, Бакунин предпочел жизнь и борьбу философским абстракциям, сумел воплотить в жизнь то, что проповедовал на словах; и, если мы, говоря о Годвине и Штирнере, отметили разрыв между их жизнью и учением, то у Бакунина подобный разрыв полностью отсутствовал. Личность Бакунина представляла собой сплав огромной энергии, воли к жизни и борьбе, пророческого, проповеднического, ораторского и философского дара, способности зажигать людей и вести их за собой, личного обаяния, организаторских талантов, самоотверженности, искренности и бескорыстия. Наивность, порой проявляемая Бакуниным, его безудержные фантазии, были продолжением и следствием умения воодушевлять окружающих своей святой верой и энтузиазмом. Ни вечное безденежье, ни постоянные разочарования, ни гонения властей, ссылка и смертные приговоры, ни клевета врагов – ничто не могло сломить этого великого бунтаря.

«Бакунин был нравственным максималистом с головы до ног» – справедливо отметил Алексей Боровой.

Этот духовный максимализм, цельность натуры, чрезвычайно развитое воображение и могучая мысль сочетались в Бакунине с мощной интуицией, ярко выраженным пророческим (пророческим) началом, способностью проникать в сущность явлений и предвидеть далекие перспективы и события. Огромная жажда абсолютного, жажда жизни и действия логично привела Бакунина к анархизму, то есть к борьбе за полную свободу личности, абсолютно доверяющей жизненной стихии, к апологии бунта и творчества в действительной жизни, а не в философских абстракциях только. Всю жизнь Бакунин неутомимо проповедовал: в юности проповедовал религию человечества и любви своим родным и близким, затем проповедовал диалектику Гегеля – Белинскому, Вейтлингу и Прудону, позднее проповедовал идею революционного славянского единства перед делегатами славянского конгресса в Праге (1848) и идею революционного союза русских и поляков (1847-1848 и 1861-1864), наконец, – проповедовал анархизм швейцарским, итальянским, французским рабочим. Звать, вести, убеждать, полемизировать, обличать, пророчествовать, проповедовать – таково было призвание этого удивительного человека, величайшего из всех бывших доселе анархистов.

Воздействие Бакунина как личности, как пропагандиста и как мыслителя, было огромно. Крупнейшая советская исследовательница творчества и жизни Бакунина Н.М.Пирумова свидетельствует:

“ «В годы гражданской войны в России, в боях с фашизмом в Испании, да и в наши дни в разных странах мира искры этого костра («нераспылавшимся костром» назвал Бакунина А.Блок – П.Р.) продолжали и продолжают зажигать сердца тех, кто склонен к подобному типу революционности»

Большинство секций Интернационала разделяло его идеи. Русское революционное движение (помимо собственно бакунистских групп) находилось под сильным влиянием Бакунина, у которого позаимствовало антиэтатизм, федерализм, либертарность и бунтарский, боевой дух. Наконец, анархо-синдикализм грани XIX-XX веков вырос из идей бакунинского «коллективизма».

Следуя нашей теме мы вынуждены оставить в стороне рассмотрение как биографии русского анархиста, так и его ранних взглядов, и непосредственно обратиться к его воззрениям 60-х-70-х годов, когда окончательно сложилось его анархическое мировоззрение. Обычно в исследованиях акцент делается на рассмотрении социального учения Бакунина и его практической программы; мы же, кратко охарактеризовав своеобразие его философии, отметив самое главное и характерное для нее, остановимся на том, что непосредственно относится к проблеме личности.

Особенности философии М.А.Бакунина

Н.М.Пирумова констатирует, что «философские воззрения Бакунина не привлекали, да и сейчас мало привлекают внимание исследователей» (295; 217). На наш взгляд, это связано как с господствующими стереотипными представлениями о Бакунине, как о человеке только «дела», но не слова, как с конъюнктурными соображениями (Бакунин всегда был «неудобен» для любой власти), так и со спецификой его литературного творчества.

«М.А.Бакунин является эпистолярным писателем по преимуществу» – подчеркивал Ю.М.Стеклов (26; Т.1, 7). Основная часть теоретического наследия Бакунина – в его письмах (порой, представляющих собой огромные трактаты), причем большинство этих писем, статей и других произведений Михаила Александровича, не собрано, не переведено и не издано на русском языке. Что же касается не эпистолярных произведений Бакунина, то важнейшими из них являются: «Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и человеке», «Кнута-германская империя и Социальная Революция», «Федерализм, социализм и антитеологизм», «Государственность и Анархия», «Бог и Государство», «Письма о патриотизме», «Исповедь», «Реакция в Германии», «Анархия по Прудону» (последняя книга написана совместно с Джемсом Гильомом).

В целом, по замечанию В.Ф.Пустарнакова, «по философским вопросам Бакунин писал сравнительно мало и несистематично» (см. 234; 532) – хотя это именно «сравнительно» – с его необъятной деловой революционной перепиской: философской проблематике уделены многие сотни страниц бакунинского наследия. Большинство сочинений Бакунина остались незаконченными, одни и те же мысли и темы буквально повторяются в различных произведениях по несколько раз. Почти все работы написаны по конкретным практическим поводам, причем Михаил Александрович начинал одну тему и быстро перескакивал на другие, увлекался, писал второпях, страстно, всегда полемизируя и проповедуя. Бакунин (начиная с 40-ых годов) не имел ни времени, ни желания, ни предрасположенности к сугубо «академическим» научным занятиям, особенно не заботился о терминологической стройности и логической безупречности. Глубочайшие философские мысли рассеяны по страницам бакунинских книг, брошюр, статей и писем, но они не столько образуют «систему» в принятом философском смысле, сколько служат штрихами к цельному взгляду анархиста на мир и на человека в этом мире. Говоря об особенностях бакунинского стиля, Алексей Боровой писал:

“ «Его сочинения – памфлеты, не терпеливая систематизация накопленных листочков, а лава, долженствовавшая испепелить противника... Но, не взирая на несоблюдение требований научной методологии, на отсутствие внешнего аппарата, составляющего гордость эрудита, творение Бакунина в целом – монументально, звенит волнующим лиризмом, гипнотизирует страстностью изложения» (48; 3).

Прекрасное знание философии, истории и естественных наук (в том числе, новейших философских и научных достижений), а также реалий социально-политической и экономической жизни, позволяло Бакунину в своих работах сочетать конкретные наблюдения и детальный анализ с абстрактными обобщениями, рассматривать самый широкий круг проблем: психологических, гносеологических, исторических, национальных,

социальных, геополитических и т.д. Блестящий дар изложения и пророческая интуиция, развитая аналитическая способность и необыкновенная сила и смелость мысли были в высшей степени присущи великому анархисту. По справедливому замечанию С.Ф.Ударцева,

“ «Бакунин как бы исследует «подводные глубины» и «космические дали» природных и общественных явлений. Его мысль перемещается в... труднодоступные области для традиционного, ограниченного многочисленными предрассудками и стереотипами мышления. «Открытия» Бакунина поражают, шокируют догматическое мышление, отторгаются им... в силу необычности, нетрадиционности его подходов, суждений» (375; 13).

Философия Бакунина носит очень личный, даже исповедальный характер. Так, когда он говорит о том, что человек из высших классов, отдавшись делу освобождения народа, должен порвать со своей средой, воспитанием, привычками – это он и о себе говорит; когда он восстает против деспотических притязаний теории повелевать жизнью – он восстает и против собственного раннего гегельянства и умозрительности 30-ых годов; когда он страстно бичует Бога и посылает ему отважный вызов, – он вырывает с кровью и собственную свою раннюю тягу к Богу, – подобные примеры можно множить до бесконечности. В сочинениях Бакунина – и ранних, и поздних – много патетики; но это тот редкий случай, когда патетике веришь: великие страсти и мятежные порывы Бакунина ищут патетики для своего выражения, патетика органична для него, он оплатил масштаб своей личности, своей мысли, борьбы и страданий право позволить себе неложную, нефальшивую патетику.

Считая ненужным и невозможным навязывать жизни жесткие схемы, Бакунин, в основном, ограничивается провозглашением общих принципов и сосредотачивает свое внимание на анализе и критике существующего, на поиске основных направлений развития, принципиально отказываясь от жестких регламентаций: «мы можем провозглашать какие угодно великие принципы, но мы должны оставить опыту будущего практическую реализацию этих принципов» – утверждает Бакунин (28; 31). «Практический разум», нужды жизни определяют все теоретические построения Бакунина. Все, самые развернутые и сложные системы аргументации Бакунина исходят из практики, из нужд пропаганды, борьбы и полемики, из обоснования борьбы за свободу личности. Практика же эта, по преимуществу, носит критически-очистительный характер, она расчищает путь, а не предписывает. Бакунин верит в стихию жизни, в инстинкт массы, в волю личности: надо прежде всего устранить все наносное, ложное, насильственное, – и в этом он видит свою главную задачу.

Мы уже отмечали, что Бакунину был присущ пророческий дар, основанный на сплаве поразительной интуиции и способности к глубокому анализу. Порой ему открывалось собственное будущее. Так, в 1837 году, будучи еще бесконечно далеким от любых революций и всецело погруженным в умозрительные теории, он неожиданно пишет о себе сестрам в шутливой манере:

«Я вам пишу: понимаете ли вы всю важность этого дела? Я! Михаил Бакунин, посланный провидением для всемирных переворотов, для того, чтобы, свергнув презренные формы старины и предрассудков, вырвав отечество мое из невежественных объятий д-ма (деспотизма? – П.Р.), вкинуть его в мир новый, святой, в гармонию беспредельную, – я вам пишу!» (234; 111-112).

Говоря о пророческом даре, которым столь щедро был наделен Бакунин, А.Карелин приводит некоторые конкретные примеры: «Он предсказал революцию 1848-го года, судьбы Франции после разгрома ее немцами, победы над нами японцев, отказ русских революционеров от анархизма, освобождение России от самодержавия, как результат войны с Германией, роль Германии с ее социал-демократией, вырождение этой социал-демократии, окончание (в то время) эры революций» (141; 56). Карелин писал эти строки в годы Великой Российской Революции, но сейчас мы знаем наиболее поразительный и яркий пример осуществления пророчества, точнее, прогноза, сделанного Бакуниным в его замечательной и детальной критике государственного социализма.

“ «В системе бакунинских идей с понятием времени дело обстояло сложно» – верно подметила Н.М.Пирумова (295; 149): способность к предвидению событий и процессов, которым суждено было проявиться спустя многие десятки лет, органично сочеталась в Бакунине с его теоретическим «забеганием вперед», порой приводящим к серьезным практическим ошибкам. Но в целом, Алексей Боровой прав, когда пишет о «трезвости, с которой «бурно-пламенный Бакунин» умел смотреть на реальную действительность» и о «глубокой верности его интуиции, достигающей силы научного предвидения» (48; 40).

Таковы некоторые особенности бакунинской манеры философствования.

Прежде, чем мы дадим характеристику его философских взглядов, скажем несколько слов об источниках бакунинского мировоззрения.

От теоретической созерцательности – к энергичнейшей практической деятельности, от поисков Бога в любви к людям – к полному и беспощадному отрицанию Бога и провозглашению «религии социализма», от «примирения с действительностью» – к радикальной критике этой «действительности» – такую идейную эволюцию проделал Бакунин. На этом пути он прошел через ряд этапов: 1) этап юношеского романтизма (1834-1837 годы), когда он находился под сильным влиянием Гете, Шиллера, Шеллинга, Фихте и, отчасти, французских просветителей; 2) гегельянский этап «примирения с действительностью» (1837-1840 гг.), затем – 3) этап левогегельянский, связанный с переходом к революционной практике (после 1842 года) – на этом этапе философия отступила на задний план в жизни Бакунина; наконец, 4) этап поздний, зрелый, синтетический (1864-1876 гг.), когда Бакунин, усвоив, наряду с гегелевскими идеями, многие положения Л.Фейербаха, О.Конта и пр., органично включил их в собственное учение и обратился к подробной разработке своей анархической философии.

Начиная с 1834 года Бакунин систематически занимался философией, читал просветителей и романтиков. Основные темы его ранних размышлений: мораль, любовь, конечность и бесконечность личности, свобода, животное и божественное в человеке, мысль и чувство, как человеческие начала. Его письма, относящиеся к этому времени, полны ощущения гармонии, веры в жизнь и в человека, провозглашения любви и свободы императивами человеческого существования. «Жизнь есть блаженство», «человек есть Бог», «любовь есть наше предназначение» – бесконечно повторяет он в своих письмах этой поры. В эти годы сильное влияние на мысль молодого Бакунина оказал Петр Яковлевич Чаадаев. В.Ф.Пустарнаков отмечал:

“ «Очень рано в мировоззрении М.А.Бакунина возобладало романтическое отношение к действительности, романтическое восприятие жизни, и здесь его вдохновителями выступили поздний Фихте, Гете, Шиллер, Рихтер, Гофман» (324; 13).

Изрядная доля этого романтизма сохранилась у него и впоследствии, а немецкие романтики активно повлияли на формирование бакунинской «философии жизни». В числе важных духовных влияний на Бакунина надо назвать также музыку, в первую очередь, музыку Бетховена; вообще эстетическое начало занимало важное место в мировосприятии Бакунина.

Огромное влияние на формирование взглядов Бакунина оказало его пребывание в кружке Н.В.Станкевича, и прежде всего личность самого Станкевича: «Я рассматриваю его в некотором роде как своего творца» (234; 437) – спустя много лет благоговейно писал о Станкевиче Бакунин. Общение и полемика с такими замечательными людьми, входящими в кружок Станкевича или связанными с ним, как В.Г.Белинский, Т.Н.Грановский, А.С.Хомяков, А.И.Герцен, И.С.Тургенев и др., систематическое изучение и «проповедь» новейших достижений немецкой философии (Шеллинга, Фихте, а позднее, Гегеля) в высшей степени благотворно повлияли на Бакунина и способствовали развитию его выдающегося философского дарования.

Оказавшись в кружке Станкевича, Бакунин прежде всего основательно изучил работы И.Канта, но – «сознательное неприятие изученного Канта, движение «мимо Канта» – таким был путь М.А.Бакунина сначала к позднему Фихте, а затем к Гегелю, в его глазах «философам жизни», «философам действительности», в отличие от Канта, как «философа познания»» (324; 24). По мнению Бакунина, кантовская философия была слишком субъективна, умозрительна и эгоцентрична, что привело «Мишеля» к «познавательной осознанной оппозиции по отношению к Канту и ценностному неприятию его философии» (324; 13).

Сочинения И.Г.Фихте, напротив, оказали сильное влияние на мысль Михаила Бакунина. Идея свободы личности, принципы персоналистской этики, мысль о государстве как преходящем и порочном учреждении – все эти положения Фихте были близки Бакунину (подробнее об этом см.128; 120 и 122; 56). Особенно сильно воздействовал на него моральный пафос учения Фихте и положение о человечестве как воплощении Бога. Вероятно, определенное

воздействие на Бакунина оказали и работы Шеллинга – особенно его натурфилософия.

Но наиболее сильным и серьезным философским увлечением молодого Бакунина было гегельянство. Двадцатитрехлетний «Мишель» стал крупнейшим в России знатоком, переводчиком и проповедником гегелевской философии, которую он воспринял как «настоящую философию действительности». Революционность гегелевской диалектики, универсализм всей его системы, идея тождества бытия и мышления, ориентация на реальную жизнь, но на жизнь, понятую как нечто абсолютное и осмысленное, историософское учение Гегеля – все это воодушевило молодого «Мишеля» и на несколько лет привело его к поистине религиозному почитанию гегелевской философии. Гегельянство восхищало его красотой чистой мысли, дающей ключ к решению всех насущных мировых проблем и помогающей осмыслить действительность как гармоничное, закономерное и одухотворенное целое. Бунт против этой «прекрасной действительности» и переход на позиции крайне левого гегельянства не означал еще полного разрыва с системой Гегеля: даже в последние годы своей жизни Бакунин продолжал виртуозно использовать гегелевскую методологию, делая акцент на «негативной диалектике».

В марте 1845 года М.А.Бакунин писал своему брату Павлу (в будущем, кстати, крупному философу-гегельянцу) из Парижа:

“ «Я тот же, что и прежде, – отъявленный враг существующей действительности, с тою только разницею, что я перестал быть теоретиком, что я наконец победил в себе метафизику и философию и весь, всю полнотою души своей, бросился в практический мир, в мир действительного дела и действительной жизни» (158; 284).

Этот «бросок», ознаменовавшийся знаменитой статьей «Реакция в Германии», сопровождался как радикализацией взглядов Бакунина и концентрацией его внимания всецело на вопросах общественной жизни, так и известной «детеоретизацией», «дефилософизацией» его воззрений. С этого момента философия (которая до того была для него самостоятельным миром, помогающим спастись от пустоты и пошлости окружающего мира) перестала быть для Бакунина чем-то самодостаточным и первоначально вовсе отошла на задний план, а позднее выступила в качестве орудия, способствующего обоснованию его практической борьбы, полемики, программы, помогающего обобщить и осмыслить его взгляды.

На смену Гегелю, Фихте и Шеллингу приходит интерес к Л.Фейербаху, французским просветителям и позитивистам и, разумеется, к социалистическим авторам. Антиклерикальная, рационалистическая и, в целом, освобождающая человека, направленность работ просветителей и позитивистов импонировала Бакунину. У Л.Фейербаха ему были близки натурализм, материализм, критика религии и метафизики и, в особенности, антропологизм, религия Человека. Но просветительно-позитивистский рационализм и материализм Бакунин сумел обогатить собственной «философией жизни»: идеями бунта жизни против науки, воспеванием стихии жизни, народа, его творчества и инстинктов, учением о бунте (об этом см.ниже).

На социальные воззрения Бакунина определенное воздействие оказали В.Вейтлинг с его горячим интересом к социальным проблемам и бескомпромиссным отрицанием старого мира, хотя казарменный коммунизм Вейтлинга Бакунин, безусловно, отвергал, славянофилы с их учением о самоуправляющейся общине, Ш.Фурье, А.Сен-Симон и, в первую очередь, П.Ж.Прудон и Карл Маркс. У Прудона Бакунин позаимствовал критику государства и принцип федерализма, а у Маркса – его экономическое учение (кстати, Бакунин был первым русским переводчиком «Манифеста коммунистической партии», работал он и над переводом «Капитала»). Опираясь на идеи Прудона, Бакунин систематизировал их, радикализировал, очистил от ошибок и противоречий, дал им глубокое философское обоснование. Но многие прудоновские положения: о свободе, как основе общественного единства, о равенстве как основе справедливости, о признании человеческого достоинства во всех людях, о неделимости свободы и тождестве свободы и равенства, об антагонизме трудящихся классов и классов эксплуатирующих и управляющих и другие мысли Прудона присутствуют в сочинениях Бакунина.

Перечислив основные идейные источники философии Бакунина, мы должны подчеркнуть, что Михаил Александрович был в высшей степени самостоятельным мыслителем, и, заимствуя те или иные мысли у различных авторов, всегда включал их в контекст собственного оригинального философствования. В последние годы жизни Бакунин проявил большой интерес к произведениям Артура Шопенгауэра, что, по нашему мнению, глубоко не случайно, – и пессимизм, и «философия жизни» этого мыслителя должны были импонировать позднему Бакунину.

Завершая обзор идейных предпосылок бакунинской философии, остановимся на причинах «бунта» Бакунина против Гегеля.

Выше мы указали – что привлекло молодого Бакунина в гегелевской философии. Что же оттолкнуло его от нее? В своей поздней работе «Наука и насущное революционное дело» Бакунин довольно подробно объясняет это:

“ «В тридцатых годах под гнетом николаевского управления впервые появилось в России учение объективистов, объясняющее все исторические факты логической необходимостью, исключая из истории участие личного подвига, и признающее в ней только одну действительную, неотвратимую и всемогущую силу – самопроявление объективного разума; учение весьма удобное для тех, которые, боясь делать, должны извинить перед всеми и перед собою свое постыдное бездействие... К такому заключению несомненно приводит метафизическая система Гегеля. Там действует Абсолют, а где этот господин распоряжается, там, разумеется, не может быть ни возможности, ни места для личного дела».

И чуть выше он поясняет:

“ «я говорю об этом знаемо, потому что в тридцатых годах, увлеченный гегельянством, сам участвовал в этом грехе» (28; 186).

Итак, очевидно, что первоначально «бунт» Бакунина против Гегеля был вызван гегелевским пренебрежением личностью (тогда как Бакунин начал утверждать ее как несомненную ценность), гегелевским фатализмом, «объективизмом» и признанием «разумности» существующего (а Бакунин не мог принять всего, что его окружало, в качестве «разумного») и гегелевской созерцательностью (тогда как Бакунин рвался к практике, действию, живой активности). Впоследствии к этим трем причинам добавилось еще отрицание Бакуниным гегелевского идеализма.

На «правоверной» гегельянской стадии «Мишель», подобно другим русским гегельянкам – Станкевичу и Белинскому – «примирялся» с «действительностью» и исповедовал культ общего, отрицание случайного, личного и единичного, безусловный примат всеобщего над частным:

“ «Личность человека, сама по себе взятая отдельно от общего – ничто» – писал он тогда (цит. по 234; 17).

Однако затем произошел бунт: по справедливому замечанию В.В.Зеньковского:

“ «святая необходимость», которая в гегелианский период не мешала свободе личности, теперь уже ощущается, как отвержение свободы» (122; 57).

По нашему мнению, Бакунин являлся одним из предтеч знаменитого «субъективного метода в социологии», развиваемого русскими народниками и делающего акцент на важности «личного дела» и субъективной оценки в общественных процессах.

Важно отметить, что в своем бунте против гегельянского антиперсонализма и фатализма Бакунин был не одинок. Как отмечал Н.О.Лосский, – уже «Станкевич осуждал Гегеля за отрицание принципа бессмертия личности» (198; 75). Но Станкевич трагически рано умер, а его ближайшие друзья: Бакунин и Белинский [98] (и отчасти – Герцен) прошли весь путь преодоления Гегеля. Так, В.Г.Белинский писал о гегелевской философии:

“ «Субъект у него не сам себе цель, но средство для мгновенного выражения общего, а это общее является у него в отношении к субъекту Молохом... Судьба субъекта, индивидуума, личности, важнее судеб всего мира» (цит. по 198; 77). Комментируя это высказывание, Н.О.Лосский подчеркивает: «Белинский окончательно отверг философию Гегеля лишь тогда, когда пришел к признанию величайшей ценности личности» (198; 77). Ему вторит Альбер Камю, который пишет о Белинском: «Индивидуум не может принять историю такой, какая она есть. Он должен разрушить реальность, чтобы утвердиться в ней, а не служить ее пособником» (134; 236).

И Бакунин, и Белинский, и Герцен провозгласили защиту личности перед «общим» и безличным, провозгласили защиту должного против существующего, провозгласили примат дела над мыслью и, протестуя против философии Гегеля, против существующих в России и

на Западе порядков, пришли к необходимости живого дела, действия, к интересу к социальным проблемам и к социалистическим теориям. Ярко выраженный этический и персоналистический характер воззрений основателей русского социализма (он потом будет присущ и воззрениям П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского) вызван их болезненным и мучительным разрывом с первоначальным идейным конформизмом, пассивностью и безличностью, с некритическим «западничеством» одних (Герцена) и с апологетическим русофильством других (Белинский, Бакунин). Горячая апология личности, смысла, красоты и нравственности как основных начал жизни, страстная ненависть к пошлости и деспотизму, защита трагически уязвимого «маленького человека» перед лицом существующего «необходимого» порядка вещей, – все эти черты характеризовали мировоззрение Бакунина (равно как и Белинского и Герцена) после его разрыва с гегелевской философией, и они обусловили антропологизм, персонализм, онтологизм его философии – «философии жизни», «философии действия». Трезво и всесторонне изучая существующую общественную реальность, Бакунин, однако, никогда не соглашался с тем ее гегельянским оправданием, элементы которого он впоследствии обнаружил у некоторых последователей О.Конта и у К.Маркса. Понимание причин разрыва Бакунина с системой (но не методом) философии Гегеля дает нам ключ к его взглядам на личность и к его учению о бунте, как важном измерении личности.

Итак, мы кратко охарактеризовали основные идейные источники бакунинской философии. Верный своему девизу: «Дух разрушающий – есть дух созидающий», – Бакунин методологически отталкивался от суждений своих многочисленных оппонентов и выдвигал собственные аргументы и выводы: строить громоздкие позитивные «системы» явно не было любимым делом мыслителя. Тем не менее, фрагментарность изложения его философских взглядов сочетается с наличием у него цельного и последовательного мировоззрения – и полемика была хорошим поводом сформулировать и изложить его.

Отметим теперь основные особенности бакунинского мировоззрения (разумеется, мы не будем вдаваться здесь в подробный разбор его онтологического, гносеологического, социологического учения, критики религии, государства, его учения о науке, о революции, о национальностях и пр.). Философия у Бакунина, как ни у кого другого является органичной (и подчиненной) частью жизни, частью личности и в полной мере заслуживает по своему содержанию наименования «философии жизни» и «философии бунтующей личности».

«Перед вечностью все ничтожно» – не раз говорил Бакунин: преклонение перед безграничностью и непознаваемостью великой Вселенной и одновременно – перед величиим крошечного и смертного человека, «благоговение перед жизнью» и, вместе с тем, страстная человечность – в этом, по нашему мнению, сущность бакунинского мировоззрения. Принятие и прославление жизни во всей ее полноте, многообразии и неповторимости и «антроподицея» – объяснение и оправдание человеческого мира – такова краткая характеристика бакунинской философии.

“ «Жизнь, примат жизни – центральный фокус бакунинской философии. Жизнь таит в себе неограниченные творческие потенции, она – само творчество. Жизнь есть конкретное и реальное; она господствует над

мыслью, она определяет волю» – так определял Алексей Боровой специфику мироощущения Бакунина (48; 18).

Предвосхищая идеи Бергсона и Ницше, Бакунин, подобно романтикам, Шеллингу, Шопенгауэру и Штирнеру, выдвинул свой оригинальный вариант философии жизни, жизни, как великой творческой стихии, не поддающейся рационализации. Сходство многих идей Бакунина с бергсонизмом, наличие у него, наряду с «рационалистической струей» (просветительско-гегелевской), мощного и плодотворного пласта иррационалистических, интуитивистских настроений и мыслей, отмечают, в частности, А.А.Боровой, В.Ф.Пустарнаков и Н.М.Пирумова (см. 48; 15-18, 323; 37 и 295; 138). Так, Н.М.Пирумова, признавая, что «интуитивизм» является «важной стороной доктрины Бакунина», полагает, что он «внес много путаницы и противоречий в систему Бакунина» (295; 138). Мы, напротив, убеждены в том, что интуитивистский элемент в мировоззрении Бакунина обогащает и уравнивает рационалистическую тенденцию и придает его анархической философии подлинную глубину.

Мир предстает перед Бакуниным, как поток жизни, иррациональная и всеобъемлющая борьба воли: «каждая категория вещей, каждая растительная и животная разновидность живет только тем, что уничтожает все остальные; одно пожирает другое...» (234; 354). Это представление о всеобщей «воле к жизни» и «борьбе воли» не приводит Бакунина к социал-дарвинистским выводам, ибо царство человечности и человечества отличается от животного царства – солидарностью и свободой. Бакунин пишет о «силе, непреодолимой и равно присущей всем живым существам»:

“ «Эта сила – всеобщий поток жизни, тот самый, который мы называем всеобщей причинностью и природой и который проявляется во всех живых существах, растениях или животных, как стремление каждого осуществить условия, необходимые для жизни своего вида, т.е. удовлетворить свои потребности. Это стремление, существенное и высшее проявление жизни, составляет основу того, что мы называем волей» (28; 67-68).

Итак, жизнь есть альфа и омега бакунинского философствования.

Для Бакунина истина есть жизнь, познание есть часть жизни и, следовательно, человеческая практика есть одновременно и способ познания истины и способ активного преобразования жизни. Уже в 1842 году Бакунин писал в одном из писем: «Долой логическое и теоретическое фантазирование о конечном и бесконечном; такие вещи можно схватить только живым делом» (цит. по 122; 54). На наш взгляд, это противопоставление жизни и науки, практики и мысли является фундаментальным для Бакунина и определяет его гносеологические и социологические воззрения, его последовательный материализм и частичный агностицизм, приводит к убеждению в невозможности постичь мыслью мир во всей его полноте, к идее о первичности материи и о невозможности научного «планирования» социальных процессов, а также заставляет апеллировать к активности творческого субъекта.

Среди наиболее характерных и существенных признаков бакунинской философии 60-х-70-х годов необходимо отметить: материализм, атеизм («антитеологизм», богоборчество), диалектичность, антропологизм, антиэтатизм, революционность, духовный и идейный максимализм, ярко выраженный критический и вольнолюбивый дух. Сам Бакунин в эти годы характеризовал свои философские взгляды как «материализм», «позитивизм», «реализм», «атеизм», а свою общественную позицию как «анархизм», «федерализм», «коллективизм» и «революционный социализм».

По верной оценке Алексея Борового, «позитивизм, именуемый Бакуниным также «рациональной наукой», «всемирной наукой», «рациональной философией», есть для него прежде всего освобождение от призраков религии и метафизики. Позитивизм – система, не принимающая ничего на веру, критически относящаяся ко всем явлениям, все свои утверждения строящая на опыте. Позитивная система – не аристократична, подобно религии и метафизике, но свободна, демократична и строится «снизу вверх» (48; 11). В работах Бакунина проступают контуры его своеобразного натурфилософского учения, учения о познании, о происхождении сознания, о происхождении и социальной роли религии, дается критика позитивизма (в кантовском понимании) и метафизики.

Поразительна бакунинская интуиция жизненной стихии, – ощущение, которое чем-то сродни восприятию мира платониками-пантеистами эпохи Возрождения, Гете или Шеллингом. Природа понимается как живая, текучая, великая, всеобъемлющая и гармоничная тотальность; бакунинская материя – не пассивная и мертвая субстанция, но нечто живое, развивающееся, одухотворенное, включенное во «всемирный поток жизни». По Бакунину весь мир или Природа или «мировая взаимосвязь» или «причинность» есть великая стихийная равнодействующая множества частных причин и процессов, всемогущее движение, в котором бытие одновременно есть вечное становление всего сущего. Все связано со всем, все движется, перетекает, меняется, все на все воздействует и все всем обусловлено – такова грандиозная картина мира в сочинениях Михаила Бакунина. Внутреннее движение оказывается имманентно присуще жизни. В этом «всеобщем потоке жизни» любое существо и даже любой предмет – «все, что живет... стремится осуществиться во всей полноте своего существования» (28; 66).

“ «Жизнь доминирует над мыслью и детерминирует волю. Вот истина, которую никогда не следует упускать из виду, если хочешь понять что-либо в политических и социальных явлениях» (28; 238).

Эта мысль особенно заостряется Бакуниным в полемике со всеми теми, кто так или иначе провозглашал примат науки над жизнью, делал акцент на «просвещение» и «мысль», а не на действие и борьбу. Бакунин категорически отрицал кантовское учение о непознаваемых «вещах в себе»: по его мнению, «внешняя» и «внутренняя» сторона любого явления связаны, и внутренняя проявляется через внешние действия. Конечно, из этого не следует, что можно постичь все, но принципиально Бакунин считал познание возможным и сочетал агностическое и рационалистическое начала в своих воззрениях:

«Изучая природу нашего земного шара, мы изучаем в то же время всеобщую природу – не в бесконечном разнообразии ее явлений, которые навсегда останутся для нас неизвестными, а в ее субстанции и в ее основных, всегда и везде тождественных законах» (234; 442).

Последовательный детерминизм и материалистический монизм – характерная черта бакунинской онтологии. (Впрочем, ниже мы рассмотрим, какие коррективы в общую детерминистскую установку мыслителя внесло его учение о бунте и свободе личности). Он пишет:

“ «Все, что естественно, – логично, и все, что логично, оказывается или уже осуществленным, или должно быть осуществлено в естественном мире, включая мир социальный», но тут же добавляет: «Отсюда отнюдь не следует, что все, что логично или естественно, является с человеческой точки зрения, непременно полезным, хорошим и справедливым» (234; 351).

Все происходящее – объяснимо, детерминировано и включено во всеобщую причинность, но далеко не все приемлемо и может быть принято – так Бакунин корректирует изначальную гегелевскую установку.

Что же Бакунин понимает под материей?

“ «Под этими словами материя и материальное, мы подразумеваем тотальность, всю лестницу действительных, известных и неизвестных существ, начиная с самых простых органических тел и кончая строением и деятельностью мозга величайшего гения... И заметьте, что мы не считаем эту тотальность какой-то абсолютной и вечно творящей субстанцией, как это делают пантеисты, но вечной, постоянно меняющейся равнодействующей бесконечного ряда всякого рода действий или непрерывного ряда трансформаций действительных существ, которые рождаются и умирают в его недрах» (234; 525-526). По Бакунину, реальна лишь материя, жизнь, единичное – мысль, общее, «законы» есть лишь абстракции нашего сознания. Гегель, отождествивший бытие и сознание, и Конт, «материализовавший дух», оказали сильное влияние на бакунинское учение об идеальном как подвиде материального (о материи и идеальном см. также, например, 234; 413-414).

Огромный интерес и ценность представляет учение Бакунина о соотношении мысли и жизни, жизни и науки, вытекающее из общего монизма и материализма его философии. Приведем лишь несколько наиболее замечательных высказываний Бакунина по этому поводу:

“ «Мы утверждаем, что жизнь естественная и общественная всегда предшествует мысли, которая есть только одна из функций ее, но никогда

не бывает ее результатом, что она развивается из своей собственной неиссякаемой глубины рядом различных фактов, а не рядом абстрактных рефлексий...» (28; 436-437). «Наука, которая имеет дело лишь с тем, что выразимо и неизменно, то есть с более или менее развитыми и определенными общими положениями, становится в тупик и спускает флаг перед жизнью, которая только и находится в связи с живой и чувственной, но неуловимой и невыразимой стороной вещей. Такова действительная и, можно сказать, единственная граница науки, граница истинно непреодолимая» (234; 440). «Миссия науки такова: устанавливая общие отношения преходящих и реальных вещей, распознавая общие законы, которые присущи развитию явлений как физического, так и социального мира, она ставит, так сказать, незыблемые вехи прогрессивного движения человечества, указывая людям общие условия, строгое соблюдение коих необходимо и незнание или забвение коих всегда приводит к роковым последствиям. Одним словом, наука – это компас жизни, но это не есть жизнь» (234; 477). «Горе было бы человечеству, если бы когда-нибудь мысль сделалась источником и единственным руководителем жизни, если бы науки и учения стали во главе общественного управления. Жизнь иссякла бы, а человеческое общество обратилось бы в бессловесное и рабское стадо. Управление жизни наукою не могло бы иметь другого результата, кроме оглупения всего человечества» (28; 437). «То, что я проповедую, есть, следовательно, до известной степени бунт жизни против науки или, скорее, против правления науки, не разрушение науки – это было бы преступлением против человечества, – но водворение науки на ее настоящее место, чтобы она уже никогда не могла покинуть его» (234; 488).

Итак, «живая жизнь» для Бакунина бесконечно выше «жалких абстракций»; мыслитель утверждает безусловный примат жизни над наукой, призывает к разрушению существующей иерархической системы образования и корпоративного характера науки, категорически высказывается против «научного планирования» общественной жизни и призывает студентов учиться жизни в народе, а не в университете:

“ «наука, как моральное начало, существующее вне всеобщей общественной жизни и представленное корпорацией патентованных ученых, должна быть ликвидирована и распространена в широких народных массах. Призванная отныне представлять коллективное сознание общества, она должна действительно стать всеобщим достоянием» (234; 482).

Это, разумеется, не означает полного отрицания Бакуниным науки! Нет, просвещение народа, рациональная универсальная наука, свободная от метафизики и религии, сочетающая эксперимент и выдвижение гипотез, синтез и анализ (см. 28; 46) – признается Бакуниным за великое благо. Эта «рациональная наука» и «пропаганда социализма» противопоставляется Бакуниным религиозной и метафизической мысли, оправдывающей ограничение человеческого познания и рабство личности.

Но, если, с одной стороны, Бакунин противопоставляет науку метафизике и теологии, то, с другой стороны, он противопоставляет науке жизнь, как высшую тотальность, полноту и богатство, как первичную реальность. Естественные границы науки, призванной стать «светочем жизни», по мнению Бакунина, заключаются в уникальном, единичном, реальном и живом, в том, что находится вне абстракции или даже за пределами наших чувств. Вот почему бакунинское воспевание науки не приводит его к плоскому рационализму и фатализму просветителей или Прудона, вот почему он категорически возражает против претензий науки руководить жизнью и страстно отстаивает право личности не мыслить только, но самой своей жизнью утверждать и отстаивать свои ценности и себя как ценность.

Последовательный материализм Бакунина и отрицание им всего трансцендентного, логически приводит его к материалистическому пониманию истории [99], к убеждению в том, что «основной вопрос века, вопрос экономический» (28; 196) определяет собой политическую, религиозную и духовную жизнь общества:

“ «Как в мире, называемом материальным, неорганическая материя (механическая, физическая, химическая) есть определяющая основа органической материи (растительной, животной, умственной или мозговой), точно так же и в мире социальном, который, впрочем, может рассматриваться лишь как последняя известная нам ступень развития материального мира, развитие экономических вопросов всегда было и продолжает еще быть определяющей основой всякого развития религиозного, философского, политического и социального» (234; 529-530).

Эта констатация, однако, не приводит Бакунина к механическому фатализму и к марксистскому экономическому детерминизму: Михаил Александрович подчеркивает многофакторность общественной жизни, взаимовлияние политики и экономики, наличие национальных особенностей.

Противопоставляя религии – антитеологизм, государственности – федерализм и эксплуатации – социализм, великий анархист, вместе с тем, никогда не углублялся в подробное построение проектов будущего общества. Полагая, что жизнь всегда богаче и непредсказуемее мысли, он ограничивался провозглашением общих принципов безгосударственного социализма, критикой существующего общества и поиском возможных путей, ведущих к его преобразованию, причем главным из этих путей он, безусловно, считал Социальную революцию. Подробный анализ международных отношений, существующих государств в различных проявлениях их деятельности, социальной психологии [100] послужил теоретическим фундаментом для бакунинской теории революции.

Она исходит прежде всего из веры в творческую активность и самодеятельность масс, проповедует «пропаганду фактом», а не созерцательность и доктринерство. Если в России главной революционной силой Бакунину, естественно, представлялось крестьянство (в союзе с разночинной революционной молодежью), то в работах о Западной Европе,

«мы под словом народ разумеем всегда главным образом пролетариат» (28; 350), подчеркивал он, призывая, однако, к союзу рабочих с крестьянами: эту идею, высказанную уже Пруденом, он подробно развил в своей работе «Кнуто-германская империя и Социальная Революция».

Условиями социальной революции, по Бакунину были, во-первых, нищета и отчаяние народных масс, во-вторых, наличие общенародного положительного идеала, выработанного в глубинах народного инстинкта при помощи народной памяти и опыта борьбы, заменяющего народу «образование», в-третьих, активная роль революционеров, связывающих отдельные локальные выступления друг с другом и придающих им общенародный характер. Революцию, как стихийное и грозное явление народной жизни, можно лишь предвидеть, но нельзя «организовать» или предотвратить по своему произволу. Разрушая старые формы общественности, социальная революция вместе с тем творит новое общество, свободное от принуждения, власти и эксплуатации.

Вопреки распространенному мнению о Бакунине, как апологете насилия и кровопролития, великий анархист, считая насильственные действия в революционном процессе неизбежными, вместе с тем призывал свести их к минимуму, поскольку, во-первых, представители правящих классов не только виновники, но и жертвы существующего общественного зла, а, во-вторых, массовое кровопролитие усилит и ускорит реакцию, следующую за революционным взрывом, и приведет к диктатуре. Бакунин являлся проповедником революции всемирной, интернациональной, революции одновременно и политической, и социальной, разрушающей и государство, и классы, и заменяющей их федеративным общественным устройством с групповой собственностью на средства производства.

Одновременность социальной и политической революции вытекала из убеждения Бакунина в том, что

“ «политическая свобода без экономического равенства и вообще политическая свобода, т.е. свобода в государстве есть ложь» (28; 340).

Подобно своим предшественникам-анархистам, Бакунин констатирует:

“ «эксплуатация и управление – два неотделимых друг от друга выражения того, что называется политикой, причем первая дает способы управлять и образует необходимую основу, равно как и цель всякого управления, которое, в свою очередь, гарантирует и легализует возможность эксплуатировать. С начала истории они составляют реальную жизнь государств» (цит. по 209; 227).

Мыслитель исповедует отрицание

«самой идеи государства и государственования, т.е. управления обществом сверху вниз, во имя какого бы то ни было мнимого права, богословского или метафизического,

божественного или интеллигентно-ученого» и утверждение «анархии, т.е. самостоятельной свободной организации всех единиц или частей, составляющих общины, и их вольной федерации между собою, снизу вверх не по приказанию какого бы то ни было начальства, даже избранного, и не по указанию какой-либо ученой теории, а вследствие, совсем естественного развития всякого рода потребностей, проявляемых самою жизнью» (28; 503-504).

На этом мы можем завершить краткую характеристику особенностей мировоззрения Михаила Бакунина и обратиться непосредственно к рассмотрению места личности в его философии. Главные черты бакунинского учения: сочетание рационализма с «философией жизни», антропологизм и персонализм, сочетание материализма и детерминизма с проповедью личной активности и верой в жизненную стихию, убеждение в примате жизни над мыслью и в примате реальной индивидуальности над всеми теоретическими абстракциями.

Личность в философии Михаила Бакунина

Свое учение о личности Бакунин начинает с констатации полнейшей детерминированности и необходимости ее бытия и завершает, как мы увидим ниже, обоснованием свободы, творчества и бунта суверенной личности. Абсолютный детерминизм («причинность», «взаимосвязь») Бакунин противопоставляет теологии, метафизике, всему сверхъестественному и трансцендентному, всему тому, что, по его мнению, порабощает человека и превращает его в раба «высших сил». Но, утвердив последовательно детерминистскую концепцию личности, Бакунин не приемлет вытекающего из нее фатализма, конформизма, антиперсонализма и несвободы и, противопоставив Богу – всеобщую причинность, материю и Природу, вслед за тем, в свою очередь, во имя достоинства личности, противопоставляет фатальности существующего человеческую свободу и бунт.

I. Личность и Природа. Преодоление животности и обретение человечности.

При всем интересе Бакунина к естественнонаучной проблематике, к вопросам гносеологии и онтологии, «аксиологическим центром всей его «системы мира» является человек. В конечном счете природа интересует Бакунина, как и всякого антропоцентриста, лишь постольку, поскольку она является в его глазах базисом общества» (В.Ф.Пустарнаков – 323; 41). Последовательный антропологизм – в познании, аксиологии и этике характеризует бакунинскую философию. При этом его антропологизм носит заостренно антитеологический и антиметафизический характер.

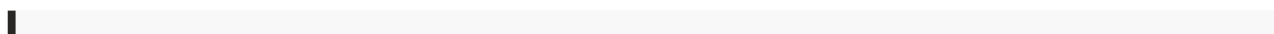
Бакунин категорически отрицает наличие внутри человека нематериальной души, а над человеком – Бога. Человек – материальное существо, потомок обезьяны, и он включен во

всеобъемлющую природную причинность. Однако, наряду с чисто животными потребностями: родиться, вырасти, есть, защищаться, воспроизводиться, – человек имеет и свои, специфически человеческие черты, – прежде всего, потребность и способность мыслить, познавая окружающий мир и себя самого.

Из Природы вырастает Общество, из Общества – Личность, утверждает Бакунин, причем, в соответствии с гегелевской диалектикой, каждая из этих ступеней одновременно и продолжает предыдущую, и включает ее в себя, и отрицает, преодолевает ее. История человечества, которая является продолжением природной эволюции, есть, по Бакунину, не что иное, как восхождение от животности к человечности, как изживание личностью животного начала. Животность ассоциируется у Бакунина с несвободой, рабством, бессознательностью, всеобщей борьбой за существование, тогда как человечность, напротив, подразумевает мысль, творчество, свободу, сознательный труд, солидарность и справедливость. Отрицая все вне- и надприродные фетиши, Бакунин, однако, не растворяет человека в мире муравьев и пчел, но пишет о «второй природе» – специфически человеческом мире, вырастающем из мира природного посредством мысли и труда. Будучи вершиной природы на Земле, человек сознательно продолжает, посредством своего индивидуального и социального развития, дело природы. Ему присущ «инстинкт» самоосвобождения и самопознания; человек – существо не только живое (животное), но и существо мыслящее, бунтующее, творящее.

Благодаря мысли, человек способен возвышаться над самим собой; будучи первоначально лишь продуктом природы и общества, биологически и социально детерминированным, он со временем сам становится относительной причиной и фактором в потоке всеобщей причинности: свобода и самосознание человека делают возможным появление специфически человеческого мира. Так, опираясь на свою «животность», человек одновременно перерастает и отрицает ее: свобода вырастает из необходимости и, будучи ею ограничена, вместе с тем отчасти отрицает ее; сознание вырастает из своей материально-физиологической основы и поднимается над ней, создавая автономный мир человеческих идеалов и ценностей; солидарность отрицает всеобщую борьбу и войну.

Пытаясь заглянуть вперед и предвосхищая мысли Ницше, Бакунин допускает возможность и более высокой, чем человек, сверхчеловеческой ступени в лестнице восхождения жизни (см., например, 28; 60). На настоящей же ступени развития человечность (и личностность, и свобода) видится Бакунину итогом, целью движения, а животность – исходной точкой. Всеобщее стремление самоутвердиться во всей полноте своего бытия достигает в человеке степени самосознания, всеобщая борьба слепых волей превращается у человека в свободную волю (хотя Бакунин постоянно указывает на относительность этой свободы воли и на безусловную зависимость ее от мировой причинности). Вочеловечивание человека возможно лишь на основе обеспечения его хлебом и досугом, удовлетворения его потребностей как живого и мыслящего существа: хлеб нужен ему как животному существу, досуг – как собственно человеку, то есть существу мыслящему и свободному. Бакунин утверждает, что разум – «главное орудие человеческого освобождения», а

«труд есть то творческое деяние человека, коим он созидает свой мир, основание и условие своего человеческого существования и завоевывает одновременно свою свободу и свою человечность» (28; 45).

Мысль выделяет человека из царства животных, но идеальный акт мысли материализуется в человеческом труде, посредством коего постоянно расширяется сфера «человечности».

Бакунин пишет:

“ «вся история человека – не что иное, как его постепенное удаление от чистой животности путем созидания своей человечности» (28; 60). «Иные же настолько счастливы открытием родства человека с гориллой, что хотели бы навсегда сохранить его в состоянии животного, отказываясь понять, что все историческое назначение, все достоинство и свобода человека заключается в удалении от этого состояния» (28; 69). «Неосознанный, рутинный, монотонный труд животного преобразуется в труд, побеждающий и покоряющий мир» (234; 270).

Итак, человеческое общество вырастает из природного мира и является той «второй природой», той средой, в которой и зарождается личность.

“ «Человеческое общество предшествует пробуждению разума и свободной воли. Человек инстинктивно, неизбежно является социальным существом» (234; 269-270).

Следовательно, по Бакунину,

“ «общество одновременно и предшествует и переживает всякого человеческого индивида, как сама природа... Оно создает и формирует всех индивидов, рождающихся и развивающихся в его недрах» (234; 504-505).

Не ограничиваясь указанием на формирование «человечности» из «животности» в масштабах всего человечества, Бакунин исследует проблему формирования индивидуальной человеческой личности. Исходным пунктом для него и здесь является безусловная тотальность Природы, мировой причинности, отвергающая все сверхъестественное:

“ «всякий человек без исключения является не чем иным, как неизбежным продуктом той естественной и социальной среды, в которой он родился, вырос и живет» (234; 331).

Бакунин полагает, что

«всякий человеческий индивид в любой данный момент своей жизни есть лишь равнодействующая всех причин, оказавших действие на его рождение и даже прежде его рождения, равнодействующая, которая совокупляется со всеми условиями его последующего развития, а также со всеми обстоятельствами, которые воздействуют на него в данный момент» (234; 345, см. также 28; 110-111).

Отрицая учение о «врожденных идеях», будто бы вечно присутствующих в сознании личности, Бакунин высказывает мысль о том, что сходный опыт, повторяясь бесчисленное число раз, накапливается в сознании людей, и

“ «каждое новое поколение находит в своей колыбели мир идей, представлений и чувств, которые переданы ему в форме общего наследия умственной и преемственной работой всех прошлых поколений» (234; 358), причем эти мысли воспринимаются детьми как естественные и единственно возможные, «еще до того, как дети доходят до самосознания».

Однако личность, разумеется, не является механическим продуктом суммы воздействовавших на нее причин (Бакунин подчеркивает, что этих причин бесчисленное множество, их нельзя целиком учесть и постичь, и что каждая личность уникальна и единственна, формируясь под воздействием причин,

“ «сумма которых комбинируется в единое живое Существо и индивидуализируется в первый и в последний раз в потоке универсальных трансформаций только в этом ребенке, который, в узком значении этого слова, никогда не имел и не будет иметь себе подобного» (28; 112)).

Но, однажды появившись в мире, личность сама становится важным фактором мирового целого и, воздействуя на окружающее, одновременно начинает сама формировать себя:

“ «Человек может таким образом стать до определенной степени своим собственным воспитателем, своим собственным инструктором и как бы творцом самого себя» (234; 364).

Следовательно, наряду с биологической и социальной детерминацией личности, с развитием самосознания и свободы возникает самодетерминация этой личности.

Учение Бакунина о формировании личности сочетает в себе материалистически-детерминистское начало, включающее личность в поток всеобщей причинности, и творчески-свободное начало, указывающее на самоценность и неповторимость каждой личности: единственной, непостижимой до конца и самостоятельно творящей самое себя. Так Бакунин счастливо избегает и штирнеровской беспричинности и абсолютной единственности «я», непонятно как возникающего и находящегося вне природного и общественного контекста, и прудоновского растворения личности в природе и обществе. Он

указывает и на ценность, единственность и свободу личности (как Штирнер), и на ее изначальную взаимозависимость с окружающим природным и человеческим миром (как Прудон). Природа дает материальную основу личности; Общество формирует личность путем воспитания, дает личности некую сумму идей и ценностей, существующих в данном обществе; затем бесконечное число причин, случайностей и обстоятельств оставляют свои отпечатки на формирующейся личности, которая, наконец, обретая самосознание и «выходя из самой себя», частично принимая, частично отвергая то, что ей навязывают ее собственная «животность» и «общественность», сама становится собственным творцом.

Полемизируя против учения о нематериальной душе и опираясь на новейшие достижения физиологии и психологии (в частности, на работы И.М.Сеченова), Бакунин порой впадает в вульгарно-материалистические крайности, объясняемые как жаром полемики, так и уровнем науки его времени:

“ «то, что мы называем умом, воображением, памятью, ощущением и волей, является в наших глазах лишь различными способностями, функциями или видами деятельности человеческого тела» (28; 49).

Если, как мы видели, Прудон и Годвин при рассмотрении психологии личности на первый план безусловно выдвигают разум, рациональное, то Бакунин, при всем его уважении к человеческой мысли, однако, указывает на огромное значение иррационального, инстинктивного, художественного и страстного начала в личности. Сам будучи человеком огромных страстей, он многие страницы своих работ посвящает описанию «народных инстинктов» или «революционной страсти» в борьбе за свободу. «Инстинкт», будучи чем-то еще до-сознательным и под-сознательным, промежуточным звеном между бытием личности и народа и их мыслью, непосредственно отражая жизнь и чаяния людей, играет в учении Бакунина огромную роль. В народе бунтарский «инстинкт» во многом заменяет образование, является проявлением мудрости и выражением памяти народа; в личности «инстинкт», обусловленный социальным, национальным, классовым положением, важнее, чем все умозрительные теории. Так, буржуа потому редко становятся вполне искренними и последовательными революционерами, полагает Бакунин, что их среда, привычки, воспитание вырабатывают у них инстинктивные устремления, далекие от народных стремлений – и все же личность способна до известной степени контролировать и преобразовывать свои «инстинкты». У революционера личная страсть, волевое начало играют огромную роль – подчеркивает Бакунин, – ибо революционер (как и всякий человек) идет от жизни к мысли, а страсти, воля, инстинкты непосредственно коренятся в жизненном потоке.

Однако, отдавая должное иррационально-страстному началу в личности, Бакунин почти столь же высоко ставил и мысль, способность к «отвлечению». Динамику взаимодействия между мыслью и волей в личности он выразил следующим образом. Благодаря способности отвлечения,

“ «человек, если можно так выразиться, раздваивается и, отделившись от себя в себе самом, он в некотором роде возвышается над своими

собственными внутренними движениями, над ощущениями, которые он испытывает, поднимающимися в нем инстинктами, позывами, желаниями... Это дает ему возможность сравнивать их друг с другом, так же как он сравнивает внешние объекты и внешние движения, и вступаться за одних против других в соответствии с идеалом справедливости и блага или в соответствии с доминирующим чувством, которое развили и упрочили в нем влияние общества и особые обстоятельства. Эта способность вступаться в пользу одной или нескольких движущих сил, которые действуют в нем в определенном направлении против других также внутренних и определенных движущих сил, называется волей» (234; 360).

По нашему мнению, и в своем психологическом учении о личности Бакунин – значительно глубже как Штирнера, так и Прудона, с их односторонними пристрастиями – сугубо волюнтаристскими у первого, и сугубо рационалистическими – у второго.

Для понимания взглядов Бакунина на личность очень показательным его отношением к искусству и науке. Как мы помним, Прудон однозначно подчиняет рациональной и непоколебимой науке «подозрительное» иррационально-индивидуалистическое искусство и ставит искусство намного ниже науки, так же как страсть – ниже мысли, а личное – ниже общезначимого. Бакунин придерживается совсем иного мнения. Он провозглашает независимость искусства (как и жизни) от науки. Точно возражая Прудону (на самом деле, здесь он полемизирует с позитивистами), он вопрошает:

“ «...разве великие поэты ждали когда-нибудь открытия наукой законов поэтического творчества для создания своих шедевров?... Разве какая-нибудь теория вдохновляла Шекспира?... И чем бы было произведение искусства, созданное по правилам самой лучшей эстетики в мире? Скажем еще раз: чем-то ничтожным!» (28; 51).

Вот как показывает он соотношение науки (абстрактно-логической, общей и мертвой) с искусством (эмоционально-страстным, типически-индивидуальным и живым):

“ «Наука не может выйти из области отвлеченностей. В этом отношении она бесконечно ниже искусства... Оно (искусство – П.Р.) в некотором роде индивидуализирует типы и положения, которые восприняло, и этими индивидуальностями без плоти и костей, которые являются в силу того постоянными или бессмертными, и которые оно имеет силу творить, оно напоминает нам живые, реальные индивидуальности, появляющиеся и исчезающие у нас на глазах. Искусство есть, следовательно, в некотором роде, возвращение абстракции к жизни. Наука же, напротив, есть вечное приношение в жертву быстротечной, преходящей, но реальной жизни на алтарь вечных абстракций» (234; 478).

Мы можем теперь остановиться на рассмотрении того, как Бакунин решает проблему: наука и личность. Этой теме посвящены несколько ярких страниц в его произведениях. Как жизнь

богаче мысли и науки, так личность, частная, единичная, реальная, живая – богаче и выше «общего», которое есть лишь продукт мысли и абстракции, – неоднократно подчеркивал Бакунин (см., например, 28; 75). Уже в феврале 1841 года в письме к своей сестре Татьяне «Мишель» писал:

“ «Все великое, таинственное и святое заключается единственно лишь в том непроницаемом и простом своеобразии, которое мы называем личностью. Общее, взятое абстрактно по себе, что бы о нем ни говорить, остается поверхностным, плоским и мертвым» (234; 199). Позднее он неоднократно возвращался к этой мысли: «Жизнь – это непрерывный переход от индивидуального к абстрактному и от абстрактного к индивиду. Это второй момент, которого не хватает науке: оказавшись в абстрактном, она уже не может из него выйти» (234; 549-550).

Но, помимо того, что наука, как общее, не постигает единичного и реального во всей его полноте, наука также, как чистая мысль и логика, не постигает иррационального, нелогичного, страстного в личности, она по определению вне морали, вне человечности, – добавляет Бакунин. Безличная и бездушная наука сознает индивидуальность «лишь как принцип», но не «как факт» и потому

“ «занимается индивидами вообще, но не Петром и Яковом, не тем или другим индивидом, не существующим, не могущим существовать для нее. Повторяю, индивиды, с которыми она может иметь дело, суть лишь абстракции... Для этих же существ, состоящих не только в идее, но реально из плоти и крови, наука – нечто бессердечное. Она рассматривает их самое большее как материал для интеллектуального и социального развития. Что ей до частных условий и до мимолетной судьбы Петра или Якова?» (234; 478-479).

Если бы наука получила власть над судьбами людей, если бы к власти пришли «ученые» «специалисты» (как того хотели позитивисты и марксисты), то наука бы игнорировала личность, а ее представители использовали личностей как подопытных кроликов, во имя науки. Поэтому, убежден Бакунин, наука

“ «признавая свою абсолютную неспособность сознать реально индивидов и интересоваться их судьбой, должна окончательно и бесповоротно отказаться от управления обществом; ибо, если бы она вмешалась, то не могла бы делать это иначе, чем принося всегда в жертву живых людей, которых она не знает, своим абстракциям, составляющим единственный законный предмет ее изучения... Индивиды неуловимы для мысли, для рефлексии и даже для слова человеческого, которое способно выражать лишь абстракции...» (234; 482).

Почему это учение Бакунина о невозможности для науки постичь человеческую личность и предписывать ей правила поведения представляется нам принципиально важным? Потому, что оно во многом «нейтрализует» и «уравновешивает» бакунинское учение о включении личности во всеобщую причинность. Элементы агностицизма и иррационализма, оплодотворяя бакунинскую мысль, уравновешивают ее материализм, рационализм и детерминизм. Если рационалисты: просветители XVIII века, Гегель, Годвин, Прудон и другие постулировали закономерность и постижимость всего происходящего (что автоматически исключало сколько-нибудь значительную роль личности), то Бакунин, как мы видим, признает всеобщую обусловленность и закономерность, но не делает из этого признания антиперсоналистических выводов в духе Гегеля или даже Прудона. Всеобщая взаимосвязь есть, но она непостижима, наука не может повелевать личностью и постигать ее; а значит, – личность свободна (в пределах всеобщей причинности), активна и самоценна, она, не дожидаясь рецептов и предписаний науки, на свой страх и риск, исходя из своего «практического», а не «теоретического разума», создает свой мир, свои ценности посредством мысли и бунта, труда и борьбы.

Но непостижимость для мысли и науки человеческой личности во всей ее своеобразной уникальности, полноте и глубине не означает, по мнению Бакунина, того, что личность абсолютно никак не проявляет себя и отгорожена от мира китайской стеной. Личность сочетает в себе конечное и бесконечное, обусловленное и свободное, внутреннее и внешнее, причем одно всегда проявляется через другое. Человеческая личность понимается Бакуниным не как нечто метафизически застывшее (как ее понимали В.Годвин и П.Ж.Прудон), но как развивающееся, борющееся, «выходящее из себя» и превосходящее себя начало, имеющее сложную динамику. Личность никогда не может быть только «вещью в себе» – утверждает Бакунин: ее внутреннее «сокровенное бытие» всегда так или иначе подвергается внешним воздействиям и, в свою очередь, проявляет себя через внешнюю деятельность – через общение, создание произведений, через труд:

“ «Ведь если человек совершенно ничего не делает и вместе с тем ничего не пишет и ничего не говорит, то, будьте уверены, он также ничего не изобретет, и в нем не совершается никакая внутренняя подготовка» (234; 437).

II. Бог, Государство и Личность.

Антропологическое учение М.А.Бакунина констатирует тот факт, что, преодолевая, посредством абстрактной мысли и сознательного труда, «животное рабство», человек, на пути обретения своей человечности, попадает сначала в «государственно-божественное рабство» – в полную зависимость от Бога и государства, выражающих бесчеловечный принцип авторитета и порабощающих человека духовно и материально. «Бог и Государство» – одна из главных тем философии Бакунина, подробно рассматривающего связь двух основных врагов человеческой свободы: религии и власти. Остановимся на аспектах его учения о Боге и государстве, относящихся не к «человеку вообще» (к человечеству в целом), но к отдельной личности. Бакунин показывает как причины государственно-религиозного порабощения личности, так и возможные пути преодоления

этого порабощения и обретения личностью своей человечности и свободы (человечность и свобода – синонимы для великого вольнолюбца).

Бакунин всесторонне и подробно показывает гносеологические, психологические, аксиологические и социально-исторические корни религии, связь Церкви и Государства, исследует генезис и развитие религии, роль ее в современном обществе и пути преодоления. По мнению Бакунина, психологическим и гносеологическим основанием возникновения религии является чувство зависимости личности от окружающего мира. Животные инстинкты: чувство самосохранения, страх, с пробуждением человеческой мысли трансформируются в ощущение единства и величия мироздания и полной зависимости личности от мира.

“ «...Какова действительная сущность всякой религии? Это именно чувство абсолютной зависимости преходящего индивида от вечной и всемогущей природы... Религия – это первое пробуждение разума..., но пробуждение в неразумной форме. Религия... начинается со страха» (28; 63).

Такова психологическая основа религии; и человек, развиваясь, переносит свой образ и свои достижения на «Небо», приходя к идее антропоморфного Бога – абстрактного, персонифицированного и совершенного:

“ «Бог – это неограниченный грабитель, и так как антропоморфизм составляет самую сущность всякой религии, небо, место пребывания бессмертных богов, является просто кривым зеркалом, которое посылает верующему человеку его собственное отражение в перевернутом и увеличенном виде» (28; 82).

Но, подобно тому, как человек должен отвоевать у Природы свое человеческое «пространство», уменьшая свою зависимость от внешних обстоятельств, он должен изжить и порожаемое этой зависимостью религиозное чувство.

Трактуя Бога как отчужденную человеческую сущность, Бакунин во многом следует за Фейербахом; но, в отличие от него придает отрицанию Бога типичный для него страстный и боевой характер и подробно анализирует социально-исторические корни религии. Религия, подобно государству, является злом, но злом исторически неизбежным, которое, однако, в современную эпоху должно быть однозначно отвергнуто (как и государство). Социально-историческими причинами появления и господства религии, по Бакунину, являются как заинтересованность власть имущих в божественной санкции своего господства, так и стремление народных масс найти какую-то «отдушину» в своей безысходной реальной жизни (если Маркс называл религию «опиумом народа», то Бакунин ставит церковь в один ряд с кабаком). Церковь и государство – два взаимоосвящающих и взаимоподдерживающих института, два столпа современного общества, пишет Бакунин:

«исторический опыт и логика доказали, что достаточно одного господина на небе, что бы создать тысячи господ на земле» (28; 57). Надо не просто просвещать людей (хотя невежество масс, по Бакунину, – одна из причин религиозности народа), но изменить земную жизнь народа – «окончательно освободит его от всякой религии только Социальная Революция» (28; 143).

Бакунин подробно критикует отношение к религии собственно теологов, а также идеалистов-метафизиков (идеализм трактуется им как рационализированная теология) и позитивистов, анализирует и подвергает разрушительной критике основы христианской этики и основу основ ее – отношение верующего к Богу. Бакунин убежден в том, что «сущность всякой религии» есть «унижение человечества к вящей славе божества» (234; 462). Ожесточенные атаки, которым Бакунин подвергает христианскую религию [101] с гносеологических, психологических, социальных и, прежде всего, практически-этических позиций, вызваны его убеждением в том, что христианство является идейным обоснованием несвободы, несправедливости, неравенства и безличности людей:

“ «Если Бог – все, то реальный мир и человек – ничто. Если Бог – истина, справедливость и бесконечная жизнь, то человек – ложь, несправедливость и смерть. Если Бог – господин, то человек – раб. Неспособный сам отыскать путь справедливости и истины, он должен получить их, как откровение свыше, через посланников и избранных божьей милости... Все люди обязаны абсолютно верить и абсолютно им повиноваться; рабы Божьи, люди должны быть также рабами Церкви и, с благословения Церкви, рабами Государства... Существование Бога обязательно предполагает отречение от человеческого разума и человеческой справедливости; оно является отрицанием человеческой свободы и неизбежно приводит не только к теоретическому, но и к практическому рабству... Бог существует, значит, человек – раб. Человек разумен, справедлив, свободен, – значит – Бога нет!» (28; 43-44).

Из этого не следует, что Бакунин считал существующих людей совершенными, – просто он был убежден, что люди могут совершенствоваться, освобождаться, расти, преодолевая свои пороки и слабости, изживая свою животность, тогда как вера в совершенство Бога и несовершенство человека освящает людской конформизм и существующую несправедливость, как нечто единственно возможное. Вера в совершенство Бога позволяет человеку отказываться от стремления к собственному совершенству, к большей свободе – вот что вызывало наибольший протест со стороны Бакунина!

Михаил Александрович в своих рассуждениях специально останавливается на христианской мысли о том, что «Бог есть Любовь» и задается вопросом о том, какой может быть эта любовь. Рассматривая взаимоотношения личности верующего с Богом, он утверждает, что они носят лицемерно-рабский характер:

“ «истинная, реальная любовь, выражение взаимной и равной любви может существовать лишь между равными. Любовь высшего к низшему есть гнет,

подавление, презрение, эгоизм, гордость, тщеславие, торжествующее в чувстве величия, основанного на унижении другого. Любовь низшего к высшему – это унижения, страхи и надежды раба, ждущего от своего господина то счастья, то несчастья. Таков характер так называемой любви Бога к людям и людей к Богу. Это – деспотизм одного и рабство других» (234; 519-520).

После всего сказанного неудивительно, что богоборец-Бакунин, считающий «антитеологизм» одним из важнейших принципов своего мировоззрения и ставящий практические выводы выше теоретических обоснований, отважно и запальчиво восклицает:

“ «ревниво влюбленный в человеческую свободу и рассматривая ее как абсолютное условие всего, чему мы поклоняемся и что уважаем в человечестве, я перевертываю афоризм Вольтера и говорю: если бы Бог действительно существовал, следовало бы уничтожить его...» (234; 461).

Коль скоро Бог понимается как «грабитель» и отчужденная человеческая сущность, то Бакунин ставит задачу возвращения «награбленного»:

“ «Мы считаем своим долгом, ввиду человеческой свободы, человеческого достоинства и человеческого благополучия, отобрать у неба блага, похищенные им у земли, чтобы возвратить их земле» (234; 462).

“ «Сегодня мир, как никогда, разделен на две системы, вечно противоположные: божественный принцип и гуманистический, принцип авторитета и принцип свободы» (234; 258). Первый из них исходит из того, что человек сам по себе плох и нуждается в божественном откровении, в Церкви и в Государстве. «Против этой человеконенавистнической и божественной власти мы выдвигаем великий революционный принцип свободы, достоинства и прав человека. Мы верим, что даже если человек зачастую плох и глуп, тем не менее в нем живет способность к разуму, склонность к добру» (234; 258).

В этой мысли Бакунина отражено его понимание «человечности» как явления, во-первых, динамичного, а не статичного, а, во-вторых, как потенции, присущей всем представителям рода человеческого. Зло в людях, полагает Бакунин, в значительной степени как раз и связано с воспитанием, средой, влиянием церкви и государства, с наличием в обществе неравенства и эксплуатации. Но это не означает обреченности человека на вечное рабство и несовершенство:

“ «Мы верим, что независимо от какого-либо божественного вмешательства в самом человеке заложена творческая активность и непобедимая внутренняя сила – она его сущность и его естество, которые на протяжении столетий

неизменно влекут человечество к истине и добру» (234; 259).

На наш взгляд, на этих, в целом, верных высказываниях Бакунина, лежит отпечаток его эпохи, с некоторым преувеличением (социалистами) социального влияния на формирование личности (хорошее общество – хорошая личность), с оптимистическим прогрессизмом и фейербаховской «религией Человека» (против которой немало верных возражений было высказано Максом Штирнером).

Страстно отвергая персонифицированного христианского Бога, как воплощенного деспота, жандарма и палача человеческой свободы, Бакунин, однако, не отрицает религию вообще: для него характерны языческая религия безличной Природы и особенно религия Человека, Свободы и Революции. Бакунин проповедует

“ «истинную религию, религию не небесную, а земную; не божественную, а человеческую – религию исполнения предназначения человечества на земле» (234; 268).

Сперва социальная революция, а затем широкое просвещение и осуществление на земле того, что религиозная фантазия всегда переносила на небо, по убеждению Бакунина, уничтожит все (гносеологические, психологические и социальные) предпосылки существования христианской религии. Поэтому, писал Бакунин:

“ «По моему глубокому убеждению, за всеми божественными религиями должен последовать Социализм, который, взятый в религиозном смысле, есть вера в исполнение предназначения человека на земле» (234; 265, см. также 28; 58).

На формирование бакунинской «религии Человека», помимо идей Фейербаха, большое влияние оказало учение Фихте о воплощении Бога в людях. По наблюдениям В.В.Зеньковского, для Бакунина на протяжении всей его жизни была характерна внецерковная, «секулярная религиозность». «Романтизм его был всю жизнь (даже в период принципиального атеизма) окрашен религиозно, но в религиозности Бакунина, даже в период самой пламенной обращенности его души к Богу, не было ни грамма церковности» (122; 48-49). Уже в молодости Бакунин трактовал Бога по фихтеански, исключительно в антропологическом и этическом смысле, далеко от церковной ортодоксии. В самых ранних своих письмах (1835 и 1836 гг.) Бакунин пишет о том, что его Бог – «не тот Бог, которому молятся в церквах», «но тот, который живет в человечестве» (234; 63) и что он желает «перенести небо, Бога... на нашу землю, возвысить практическую жизнь; поднять землю до неба» (234; 64). Он гордо заявляет: «Я – человек, и я буду Богом» (234; 70). Разумеется, подобное антропоцентристское и гуманистическое понимание Бога весьма далеко от православного смирения и самоуничижения личности перед Господом.

Впоследствии воинствующий «антитеологизм» и богоборчество сочетались у Бакунина с проповедью «религии социализма», «религии свободы» и «религии человека». Но религиозность, как жажда полноты и цельности жизни, как безусловная и цельная вера,

была всегда органично присуща личности и воззрениям Бакунина, понимавшего ограниченность науки, рационального восприятия мира, и огромное значение волевого, страстного, безусловно-стихийного начала в личности. Религиозность Бакунина с первых до последних его дней была резко антропоцентричной, но, если сначала он считал Бога растворенным в людях, то затем он восстал против этого небесного тирана во имя божественной потенции земных людей.

Бакунинские сочинения проникнуты жаждой осуществления царства Божия (Человека) на земле, предчувствием антропологического переворота и появления человекобожества. Эта тема появляется и в его гипотезе о возможности возникновения «сверх-человека», и в его многократной проповеди «религии человека». В письме 1849 года повторяется та же страстная тема искания совершенства и абсолюта в человеке:

“ «Я ищу Бога в людях, в их свободе, теперь еще я ищу Бога в революции» (234; 247).

Человеческая личность должна стать такой же свободной и совершенной, какой до этого слабые люди представляли себе лишь всемогущего Бога – таково глубочайшее убеждение, исповедуемое им.

Но на пути к этой свободе и к этому совершенству, помимо призрачного небесного тирана – Бога: квинтэссенции человеческой несвободы, зависимости и слабости, – человеческой личности преграждает путь другой враг, могучий, реальный и сакрализированный, тесно связанный с Богом и освящаемый Его авторитетом – Государство.

В произведениях Бакунина дана разносторонняя, подробная и глубокая критика Государства – как в общетеоретическом плане, так и в конкретно-историческом.

В сочинениях Бакунина показана вся чудовищность воздействия, оказываемого на личность государством, порабащующим, насилующим, развращающим эту личность:

“ «Свобода в Государстве есть ложь» (24; 94). «Государство является... господством и эксплуатацией, возведенным в правило и систему» (28; 107). **Закон самосохранения и расширения есть высший закон существования государства, противопоставляющего себя как человечеству в целом, так и отдельным личностям.** Поэтому «Государство – это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности. Оно разрывает всеобщую солидарность людей на земле и объединяет только часть их с целью уничтожения, завоевания и порабления всех остальных» (28; 92-93).

Чрезвычайно негативно влияние государства на нравственность личности, поскольку государство по самой своей природе

«отнюдь не склонно убеждать, но лишь принуждать и заставлять; как оно ни старается замаскировать свою природу, оно остается легальным насильником воли людей, постоянным отрицанием их свободы. И даже когда оно приказывает что-либо хорошее, то обесценивает и портит это хорошее потому, что приказывает, и потому, что всякое приказание возбуждает и вызывает справедливые бунты свободы, и потому еще, что добро, раз оно делается по приказу, становится злом с точки зрения... человеческого самоуважения и свободы» (234; 505).

Творя чудовищный и своекорыстный произвол над народной жизнью и над человеческой личностью, государство напыщенно именуется этот произвол «законом».

Государство является не чем иным, как

“ «официальной и правильно установленной опекой меньшинства компетентных людей... чтобы надзирать за поведением и управлять поведением этого большого неисправимого и ужасного ребенка – народа» (234; 464).

Причем, замечает Бакунин, эта опека стремится сама себя увековечить, и «ребенок» никогда не достигнет совершеннолетия, пока над ним господствует эта опека, исходящая из принципиального убеждения в несuverенности личности и народа. Бакунин указывает на эту философскую предпосылку всякой государственной идеологии в следующих выразительных словах:

“ «Назначение Государства не ограничивается обеспечением защиты своих членов от всех внешних нападений, оно должно еще во внутренней жизни защищать их друг от друга и каждого – от самого себя. Ибо Государство, – и это его характерная и основная черта, – всякое государство, как и всякая теология, основывается на предположении, что человек, в сущности, зол и плох» (28; 97).

Поэтому, по уверению государственников:

“ «государство при своем рождении находит человека уже дурным и берется сделать его хорошим, т.е. превратить естественного человека в гражданина... С точки зрения государства, добро рождается не из свободы, а, наоборот, из отрицания свободы» (28; 98).

Так Бакунин показывает, что, подобно тому, как наличие совершенного и всемогущего Бога оправдывает и предполагает вечное несовершенство и рабство человека, точно также наличие всеблагого и суверенного государства предполагает вечное несовершеннолетие и несuverенность личности. Следовательно, личность для того, чтобы обрести себя, должна разрушить государство, точно так же, как она должна отказаться от служения Богу.

Но что представляет собой государство по отношению к отдельной личности? – задается вопросом Бакунин. И отвечает:

“ «Сумму отрицаний индивидуальных свобод всех его членов; или же сумму жертв, которые приносят его члены, отказывающиеся от части своей свободы ради общего блага... Это отрицание свободы каждого во имя свободы всех или общего права, – это и есть Государство. Итак, там, где начинается Государство, кончается индивидуальная свобода, и наоборот. Мне возразят, что Государство, представитель общественного блага, или всеобщего интереса, отнимает у каждого часть его свободы только с тем, чтобы обеспечить ему все остальное. Но остальное – это, если хотите, безопасность, но никак не свобода. Свобода неделима: нельзя отсечь ее часть, не убив целиком. Малая часть, которую вы отсекаете, – это сама сущность моей свободы, это все. В силу естественного, необходимого и непреодолимого хода вещей вся моя свобода концентрируется именно в той части, которую вы удаляете, сколь бы малой она ни была» (28; 88-89).

Бакунин завершает, начатую уже Штирнером и Прудоном полемику с Руссо и его последователями: в защиту свободного «человека» против «гражданина» государства. Он продолжает и углубляет аргументацию против учения Руссо о договоре, создающем государство. Если Прудон критиковал преимущественно несвободный характер руссоистского централизованного государства, то Бакунин обращает внимание еще на одно слабое место позиции своего оппонента:

“ «Предполагается, что индивиды до заключения этого договора пользуются абсолютной свободой, ибо согласно этой теории только естественный, дикий человек совершенно свободен».

Бакунин издевается над этой мифической

“ «естественной свободой, которая является лишь абсолютной зависимостью человека-гориллы от постоянного давления внешнего мира» (28; 86-87).

Если Руссо и его последователи исходят из крайнего индивидуализма и приходят к крайнему деспотизму, заставляя своего «свободного» внеобщественного человека, заключая договор, отказываться от своей свободы, то Бакунин, напротив, исходит из несвободного человека, томящегося в рабстве своей первобытной животности и деспотического государства, но, по мере осознания своеобразие своей личности, в союзе с другими личностями и внутри общества, через него, а не вне его – обретающего свободу и отрицающего государство и животность.

Что же касается руссоистского культа «гражданина», то Бакунин, персонифицируя эту идею, представляет на страницах своих работ тонкий психологический портрет подобного гражданина. Великий анархист безоговорочно осуждает «чистый республиканизм» Руссо,

Робеспьера и их последователей, тот «республиканизм», который

“ «почти не принимает в расчет человека, а признает лишь гражданина» (28; 32).

Такой идеальный гражданин – идеальный слуга государства –

“ «политический республиканец сам по себе не является... эгоистом лично для себя, но он должен им быть для отечества, которое должен ставить в своем собственном сердце выше себя самого, выше всех индивидуумов, выше всех наций в мире, выше всего человечества... Для политического республиканца свобода лишь пустой звук; это свобода быть добровольным рабом, преданной жертвой государства; готовый всегда пожертвовать ради него собственной свободой, он легко жертвует и свободой других» (28; 33).

Поэтому Бакунин высказывается за

“ «отрицание гражданственности, заменяющей в государстве свободную человечность», против патриотизма как государственно-националистически-милитаристской идеологии рабства и ненависти (см. 357; Т.3; 200).

Бакунин язвительно бичует патриотизм, являющийся «священной коровой» государственной идеологии, тем мировоззрением, которое государство стремится любой ценой привить личности, противопоставив ее другим личностям и народам «чужих» государств:

“ «Настоящий патриотизм, чувство, разумеется, весьма почтенное, но вместе с тем узкое, исключительное, противучеловеческое, нередко просто зверское. Последовательный патриот только тот, кто, любя страстно свое отечество и все свое, также страстно ненавидит все иностранное, ни дать ни взять, как наши славянофилы» (28; 305). «Это вопиющее отрицание человечности, составляющее сущность Государства... называется патриотизмом и составляет всю трансцендентную мораль Государства» (28; 93).

При помощи патриотических чувств личность превращается в раба государства, и оправдываются любые злодеяния и преступления.

Бакунин не склонен демонизировать государство: он хорошо видит и причины его появления, историю его развития, и связанные с ним сословия и классы (при этом, в отличие от марксистов, Бакунин отлично понимал, что государство не является простым «орудием» в руках того или иного класса). Бакунин немало места уделил показу того влияния, которое власть оказывает на психологию личности – как подвластной, так и правящей. Говоря об

«особом развращающем воздействии власти, а также чрезвычайных искушениях, которым неизбежно подвергаются все люди, ею облеченные» (28; 103), Бакунин пишет: «Нет ничего более опасного для личной морали человека, чем привычка повелевать... Два присущих власти чувства всегда неизбежно ведут к этому разложению: презрение к народным массам и преувеличение своих собственных заслуг» (28; 108). Поэтому правители оказываются, в известной мере, «жертвами» собственной власти и собственных привилегий: «Такова уж логика всякой власти, что она в одно и то же время неотразимым образом портит того, кто ее держит в руках и губит того, кто ей подчинен» (28; 136). «Природа человека, всякого человека, такая, что дайте ему власть над собою, он вас притеснит непременно, поставьте его в положение исключительное, вырвите его из равенства, он сделается негодяем. Равенство и безвластие – вот единственные условия нравственности для всякого человека» (28; 165-166).

Люди, принадлежащие к привилегированным классам, благодаря досугу, являются более цивилизованными, образованными и развитыми, чем народные массы – но зато привилегии и бездеятельность, а также узкое сословное своекорыстие ведут их неизбежно к «испорченности, отупению и вырождению». И напротив, трудящиеся, не имея досуга и занимаясь непрерывным трудом, находятся в состоянии «варварства» и невежества, рабства и забитости. Тем не менее, пишет Бакунин,

“ «при отсутствии образования рабочий обладает тем огромным преимуществом, что его нетронутые ум и сердце не были развращены эгоистическими интересами и корыстной ложью, что он сохранил в себе неиспользованной всю природную энергию, между тем как все привилегированные классы вырождаются, слабеют и загнивают... в силу этого только рабочему принадлежит будущее» (234; 335-336).

Не удивительно, что после такого всестороннего анализа взаимоотношений личности и государства, Бакунин не мог обманываться иллюзиями государственного социализма. Государство не может «отмереть», представители рабочих, оказавшись у власти, мгновенно «переродятся», государственное управление трудящимися приведет лишь к новому, худшему рабству народа – убедительно показал Бакунин в своих работах, развенчивая вейтлинговские, марксистские и лассальянские утопии. Продолжая прудоновскую традицию, Бакунин восстает против государственного социализма в защиту прав личности.

“ «Я ненавижу коммунизм, потому что он есть отрицание свободы и потому, что для меня непонятна человечность без свободы» (цит. по 357; Т.2, 404). «Мы решительно отклоняем всякую попытку социальной организации, которая, будучи далеко от самой полной свободы как индивидов, так и ассоциаций, требовала бы какого-нибудь регламентирующего авторитета. Во имя свободы, которую мы признаем как единственную основу и единственный законный творческий принцип всякой организации, мы всегда будем протестовать против всего, что хоть сколько-нибудь будет похоже на

Впоследствии, несколько огрубляя и утрируя, но в целом верно передавая принципиальные позиции сторон, П.И.Новгородцев так охарактеризовал отношение к личности бакунинского и марксовского социализма:

“ «Анархизм Бакунина идею планомерного устройства общества заменял верой в зиждательную силу безусловной свободы, в творческий разум освобожденной от всяких уз личности. Социализм Маркса отправлялся от начал противоположных: не свобода личного творчества, а планомерность общественной организации, не абсолютизм личности, а торжество общественности лежит в его основе» (267; 320-321).

III. Личность и Общество.

Рассматривая ранее проблему формирования личности в сочинениях Бакунина, мы показали, что, по мнению русского анархиста, общество, также как и природа, – «естественная» среда формирования и существования личности; вне общества личность просто немислима. Бакунин отрицает как крайний индивидуализм, обосновывающий изоляцию и атомизацию личностей, так и деспотизм, порабощающий личность и сводящий ее к простой функции, инструменту, органу общества. Свободное общество многообразных и свободных личностей – таков общественный идеал великого бунтаря. Поэтому нам представляется совершенно неверной точка зрения Н.М.Пирумовой, писавшей о «подходе Бакунина к личности только как к части общества» (295; 137).

Библиография

1. Адлер Г. Анархизм. Пб., 1920.
2. Адо П. Плотин или Простота взгляда. М., 1991.
3. Айрапетов А.Г., Юдин А.И. Западноевропейский и русский утопический социализм Нового Времени. М., 1991.
4. А.К. Отдельные анархисты и анархические группы 60-70-ых гг. // Михаилу Бакунину 1876-1926. Очерки истории анархического движения в России (сб. статей под ред. Алексея Борового). М., 1926.
5. Акай Л. Каков же настоящий Кропоткин? // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1995.
6. Алданов М. Истоки. Т.1-2. М., 1991.
7. Александрова З.А. К вопросу о взглядах П.А.Кропоткина на формирование личности //

Социально-философские проблемы формирования личности (межвузовский сб. научных трудов). М., 1986.

8. Александрова З.А. Философские и общественно-политические воззрения П.А.Кропоткина. Диссертация на соискание ученой степени к.филос.наук М., 1987.

9. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1993.

10. Анархисты в Октябрьской революции. (Документы Московской Федерации анархистских групп). Публикация И.М.Зайченко. // Голоса истории. Музей Революции. вып. 23., Кн. 2. М., 1992.

11. Андерсон В.М. М.А.Бакунин. СПб., 1906.

12. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991.

13. Аникин А. «Я сделал все что мог...» // Кропоткин П. Дневники разных лет. М., 1992.

14. Антиутопии XX в. М., 1989.

15. Антонов В.Ф. Н.Г.Чернышевский о русской истории. М., 1984.

16. Арзамасцев А.М. Казарменный «коммунизм». Критический очерк. М., 1974.

17. Арну А. Народная история Парижской Коммуны. Пг., 1919.

18. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.

19. Артемов В.М. Проблема свободы: М.А.Бакунин и П.А.Кропоткин. // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1995.

20. Аршинов П. История Махновского движения (1918-1921). Запорожье, 1995.

21. Атабемян Ал. Вопросы теории и практики. М., 1918.

22. Бакунин М.А. Бог и Государство. М., 1906.

23. Бакунин М.А. Воззвание к славянам. Берлин, 1904.

24. Бакунин М.А. Государственность и Анархия. // Бакунин М.А. Избранные сочинения. Т.1. Пб.-М., 1922.

25. Бакунин М.А. Исповедь. // Дюкло Ж. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975.

26. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем (под ред. и с примеч. Ю.М.Стеклова). Т.1-4. М., 1934-1935.

27. Бакунин М.А. Усыпители. СПб., 1906.
28. Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М., 1989.
29. Баталов Э.Я. В мире утопии. М., 1989.
30. Белоцерковский В. Самоуправление. Будущее человечества или новая утопия? М., 1992.
31. Бер М. История социализма в Англии. Т.1. М.-Пг., 1923.
32. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. // Пророческие слова о русской революции. А.И.Герцен, В.Г.Короленко, Н.А.Бердяев. (составитель А.А.Слинько). Воронеж, 1992.
33. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
34. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990.
35. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
36. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. // Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
37. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
38. Берк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993.
39. Берлин П.А. Апостолы анархии. Бакунин, Кропоткин, Махаев. Пг., 1917.
40. Бернштейн Эд. Анархизм. СПб., 1907.
41. Бланки Л.О. Избранные произведения. М., 1952.
42. Блауберг И.И. «Выбор – в твоих руках»... // Вопросы философии. 1991. № 11.
43. Блок А.А. Михаил Александрович Бакунин. // Блок Александр. Собрание сочинений в шести томах. Т.4. Л., 1982.
44. Большая Советская Энциклопедия: в 30 томах. М., 1970-1978.
45. Бонташ П.К., Прозорова Н.С. Томас Мор. М., 1983.
46. Борисенок Ю.А., Олейников Д.И. Михаил Александрович Бакунин. // Вопросы истории. 1994. № 3.

47. Боровой А. Анархизм. М., 1918.
48. Боровой А.А. Бакунин. М., 1994.
49. Боровой А.А. Власть. // Анархия и Власть., М., 1992.
50. Боровой А.А. Детермизм и фатализм. РГАЛИ. Фонд 1023. Опись 1. Ед.хр.136.
51. Боровой А.А. История социализма и анархизма в их взаимоотношении. Лекции, прочитанные в Московском университете. РГАЛИ. Фонд 1023. Опись 1. Ед.хр. 89.
52. Боровой А.А. Личность и общество в анархистском мировоззрении. Пб.-М., 1920.
53. Боровой А.А. Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. М., 1906.
54. Боровой А. Проблемы личности в учении Кропоткина. // Петр Кропоткин (сб.статей под ред. А.Борового и Н.Лебедева). Пб-М., 1922.
55. Боровой А.А. Разговоры о живом и мертвом. РГАЛИ. Фонд 1023. Опись 1. Ед.хр.108.
56. Боровой А.А. Рассуждение о пессимизме. РГАЛИ. Фонд 1023. Опись 1. Ед.хр.138.
57. Боровой А.А. Революционное мирозерцание. М., 1907.
58. Боровой А. Революционное творчество и парламент (революционный синдикализм). М., 1917.
59. Боровой А.А. Роль личности в истории. РГАЛИ. Фонд 1023. Опись 1. Ед.хр.131.
60. Боровой А.А. Философия актуализма. РГАЛИ. Фонд 1023. Опись 1. Ед.хр.135.
61. Боровой А.А. Фрагменты о «зле». РГАЛИ. Фонд 1023. Опись 1. Ед.хр. 139.
62. Боровой А.А., Лебедев Н.К. Очерки истории анархического движения в России. РГАЛИ. Фонд 1023. Опись 1. Ед.хр. 132.
63. Боровой А., Отверженный Н. Миф о Бакунине. М., 1925.
64. Бронский Н. Макс Штирнер. Его жизнь и учение. // Индивидуалист (сб.) М., 1907.
65. Бубер М. Я и Ты. М., 1993.
66. Будницкий О.В. П.А.Кропоткин и проблема революционного террора. // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. (Издание второе). Ростов-на-Дону, 1996.

67. Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.
68. Викон О. Судьба книги Штирнера. // Штирнер Макс. Единственный и его собственность. Вып. 1. М., 1906.
69. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. М., 1993.
70. Волгин В.П. История социалистических идей. Ч.1. М.-Л., 1929.
71. Волгин В.П. Очерки по истории социализма. М.-Л., 1935.
72. Волкин В.П. Социальные идеи В.Годвина. // Годвин В. О собственности. М., 1958.
73. Волков Г. Неистовый бунтарь. // Коммунист. 1989. № 12.
74. Волков Э.Г. Карл, ты не прав! (о переоценке полемики К.Маркса с Г.Гегелем и М.Бакуниным по проблеме правящие-управляющие-управляемые). // Кентавр. 1994. № 1.
75. Волковинский В.Н. Махно и его крах. М., 1991.
76. Володин А.И.Герцен. М., 1970.
77. Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910-1930-е годы. М., 1989.
78. Встань, человек! (сб.). М., 1986.
79. Вышеславцев Б.П. Этика Преображенного Эроса. М., 1994.
80. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
81. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия XI-XIX вв. Л., 1970.
82. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
83. Гейне Г. К истории религии и философии в Германии. М., 1994.
84. Гельвеций К.А. Счастье. М., 1987.
85. Герцен. А.И. Былое и думы. // Герцен А.И. Собрание сочинений в восьми томах. Т.5, 6, 7. М., 1975.
86. Герцен А.И. К старому товарищу. // Герцен А.И. Собрание сочинений в восьми томах. Т.8. М., 1975.
87. Герцен А.И. Концы и начала. // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т.5. М., 1959.

88. Гете И.В. Фауст. Петрозаводск, 1975.
89. Гильом Дж. Анархия по Прудону. Киев, 1907.
90. Гильом Дж. Интернационал (Воспоминания и материалы 1864-1878 гг.). Т.1-2. М.-Пб., 1922.
91. Гиммельфарб Б.В., Гохшиллер М.Л. Обзор литературы о Штирнере. // Штирнер Макс. Единственный и его собственность. Ч.2. СПб., 1909.
92. Гиммельфарб Б.В., Гохшиллер М.Л. Основы учения Штирнера. // Штирнер Макс. Единственный и его собственность. Ч.2. СПб., 1909.
93. Гладков Т. Взрыв в Леонтьевском. М., 1988.
94. Годвин В. О собственности. М., 1958.
95. Гордон А.В. Глубокая философия хрустально чистой души. // Анархия и Власть. М., 1992.
96. Гордон А.В. Кропоткин – теоретик. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.
97. Горев Б.И. М.А.Бакунин. Его жизнь, деятельность и учение. Иваново-Вознесенск, 1922.
98. Горнфельд А. Жизнь Штирнера. // Штирнер Макс. Единственный и его собственность. М., 1918.
99. Горфункель А.Х. Томмазо Кампанелла. М., 1969.
100. Грав Ж. Умиращее общество и анархия. М., 1917.
101. Графский В.Г. Бакунин. М., 1985.
102. Гридчин Ю.В. Социальная философия русского анархизма. Диссертация на соискание ученой степени к.филос.наук. М., 1984.
103. Гридчин Ю.В. Этика человечности. // Кропоткин П.А. Этика. М., 1991.
104. Гроссман-Рощин И. Мысли о творчестве П.А.Кропоткина. // Петр Кропоткин (сб.статей под ред.А.Борового и Н.Лебедева). Пб.-М., 1922.
105. Гроссман-Рощин И. Характеристика творчества П.А.Кропоткина. Пб.-М., 1921.
106. Гурболиков В. Кропоткин о терроре и революционной идее. // Община. 1990. № 45.
107. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

108. Де Роберти. Петр Кропоткин. Личность и доктрина. б/м., 1906.
109. Джангирян В.Г. Критика англо-американской буржуазной историографии М.А.Бакунина и бакунизма. М., 1978.
110. Достоевский Ф.М. Бесы. // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т.7. Л., 1991.
111. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т.9, 10. Л., 1993.
112. Драгоманов М.П. Михаил Александрович Бакунин. Казань, 1906.
113. Дюкло Ж. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975.
114. Дюркгейм Э. Социология. М., 1995.
115. Евангелие Толстого. Избранные религиозно-философские произведения Л.Н.Толстого. М., 1992.
116. Жирар А. Краткий очерк происхождения и развития анархизма. М., 1906.
117. Жуковский Ю.Г. Прудон и Луи Блан. СПб., 1866.
118. Зайцев В.А. Проблема личности в идеологии революционного народничества. Диссертация на соискание ученой степени к.филос.наук. М., 1968.
119. Застенкер Н.Е. Идею банкротство современного неопрудонизма. // Вопросы истории. 1968. № 9.
120. Застенкер Н.Е. Прудон и февральская революция 1848 г. // Французский ежегодник. 1960. М., 1961.
121. Зелетдинова Э.А. Проблема личности в социальной философии Н.К.Михайловского. Диссертация на соискание ученой степени к.филос.наук. М., 1992.
122. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1, Ч.2. Л., 1991.
123. Зильберман И.Б. Политическая теория анархизма М.А.Бакунина: критический анализ. Л., 1969.
124. Золотухина Н.М. Политические воззрения Вильяма Годвина. Диссертация на соискание ученой степени к.юр.наук. М., 1966.
125. Иванов В.П. О философском обосновании анархизма Бакунина. // Историко-философский сборник. М., 1969.

126. Исаев А.К. Кто победил? // Община. 1989. № 28.
127. Исаев А.К. Оценка М.А.Бакуниным теории и программы «государственного социализма». // Памяти М.А.Бакунина. М., 1990.
128. Исаев А.К., Олейников Д.И. Бакунизм нуждается в более серьезном изучении. // Вопросы истории. 1989. № 2.
129. Исаев А., Шубин А. В поисках социальной гармонии. // Исаев А., Шубин А. Демократический социализм – будущее России. М., 1995.
130. История политических и правовых учений: XVII-XVIII вв. (под ред. д.юр.наук, проф. В.С.Нерсисянца). М., 1989.
131. История политических и правовых учений (под ред. В.С.Нерсисянца). М., 1988.
132. История политических партий России (под ред. А.И.Зевелева). М., 1994.
133. История социологии. Минск. 1993.
134. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
135. Камю А. Избранное. М., 1990.
136. Камю А. Сочинения. М., 1989.
137. Кан С.Б. История социалистических идей (до возникновения марксизма). М., 1967.
138. Канев С.Н. Крах русского анархизма. // Вопросы истории. 1968. № 9.
139. Канев С.Н. Революция и анархизм. М., 1987.
140. Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. М., 1993.
141. Карелин А. Жизнь и деятельность Михаила Александровича Бакунина. М., 1919.
142. Карелин А. Русские бакунисты за границей. // Михаилу Бакунину 1876-1926. Очерки истории анархического движения в России (сб.статей под ред.Алексея Борового). М., 1926.
143. Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991.
144. Карпентер Э. Безгосударственное общество. // Анархия и Власть. М., 1992.
145. Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917-1929. М., 1990.
146. Касавин И.Т. Поль Фейерабенд в поисках «свободной теории познания». // Историко-

философский ежегодник. М., 1986.

147. Киркегор С. Наслаждение и долг. Киев, 1994.

148. Кислицына И.Л. Бакунизм на юге России. 70-ые годы XIX века. Владивосток, 1992.

149. Клименко В.А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917-1920 гг. М., 1978.

150. Ковалев А.Д. Дарвинизм социальный. // Современная западная социология (словарь). М., 1990.

151. Козлова Е.Е. Идеиное формирование левого прудонизма в период Второй Империи во Франции. Диссертация на соискание ученой степени к.ист.наук. М., 1971.

152. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. М., 1986.

153. Колпинский Н.Ю., Твардовский В.А. Бакунин в русском и международном освободительном движении. // Вопросы истории. 1964. № 16.

154. Комин В.В. Анархизм в России. Калинин, 1969.

155. Кон И.С. Социология личности. М., 1967.

156. Корн М. Борьба с капиталом и властью (наши спорные вопросы). Одесса, 1918.

157. Корнилов А. Бакунины // Новый энциклопедический словарь (ред. Ф.А.Брокгауз, К.А.Ефрон). Т.4. СПб., б/г.

158. Корнилов А.А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.-М., 1925.

159. Корнилов А.А. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915.

160. Косичев А.Д. Борьба марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и современность. М., 1964.

161. Кострюков В.Я. Проблема личности в трудах П.А.Кропоткина. // Возрождение России: проблема ценностей в диалоге культур (материалы второй Всероссийской научной конференции 1-3 февраля 1995 г.). Ч.3. Нижний Новгород. 1995.

162. Костюченко Л.Г. Вильям Годвин как представитель утопического социализма и коммунизма Англии. Диссертация на соискание ученой степени к.филос.наук. М., 1970.

163. Красная книга ВЧК. Издание второе, уточненное. Т.1. М., 1989.

164. Кропоткин А.П. Контуры научного универсализма в эпоху П.А.Кропоткина и в наши дни. // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1995.

165. Кропоткин П.А. Анархизм. Федерация русских рабочих организаций С.Ш. и Канады. Дело труда. 1934.
166. Кропоткин П.А. Анархический коммунизм. // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX– начала XX века. Избранные произведения. М., 1994.
167. Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал. Кронштадт, 1917.
168. Кропоткин П.А. Век ожидания (сб.статей). М., 1925.
169. Кропоткин П.А. Великая Французская Революция. 1789-1793. М., 1979.
170. Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса. Пб.-М., 1922.
171. Кропоткин П.А. Дневники разных лет. М., 1992.
172. Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988.
173. Кропоткин П.А. Литературный послужной список. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина, Вып.2. М., 1992.
174. Кропоткин П.А. Наказание смертной казнью. // Смертная казнь: за и против. М., 1989.
175. Кропоткин П.А. Обращение Кропоткина к рабочим и передовым кругам общественности Западной Европы. Обращение Московской Лиги Федералистов о задачах Лиги. // Вопросы философии. 1991. № 11.
176. Кропоткин П.А. Обращение к украинскому народу. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.
177. Кропоткин П.А. О текущих событиях. Современное положение России. // Вопросы философии. 1991. № 11.
178. Кропоткин П.А. Письма С.Л.Мильнеру. // Вопросы философии. 1991. № 11.
179. Кропоткин П.А. Письмо А.Шапиро 1920 г. // Вопросы философии. 1991. № 11.
180. Кропоткин П.А. Поля, фабрики и мастерские. Промышленность, соединенная с земледелием, и умственный труд с ручным. Пб.-М., 1921.
181. Кропоткин П. Речи бунтовщика. Пб.-М., 1921.
182. Кропоткин П.А. Хлеб и Воля. Современная наука и Анархия. М., 1990.
183. Кропоткин П.А. Что же делать? // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.

184. Кропоткин П.А. Этика. Т.1. Происхождение и развитие нравственности. Пб.-М., 1922.
185. Кропоткин П.А. Этика: избранные труды. М., 1991.
186. Кропоткин П.А., Кропоткин А.А. Переписка. Т.1, 2. М.-Л., 1932-1933.
186. Кузнецов Ф. Публицисты 1860-ых годов. Круг «Русского слова». Григорий Благосветлов, Варфоломей Зайцев, Николай Соколов. М., 1969.
188. Кульчицкий Л. М.А.Бакунин, его идеи и деятельность. СПб., 1906.
189. Курчинский М.А. Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии. Пг., 1920.
190. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
191. Лебедев Н.К. П.А.Кропоткин. М., 1925.
192. Лебедев Н.К. П.А.Кропоткин. Человек, мыслитель, революционер.//Петр Кропоткин (сб.статей под ред.А.Борового и Н.Лебедева). Пб.-М., 1922.
193. Лебедев Н.К. Элизе Реклю, как человек, ученый и мыслитель. Пб.-М., 1920.
194. Лебедева А.П. Анархический идеал и практика большевизма. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.
195. Леви Ева-Мария. Критика идеологии и практики современного анархизма в ФРГ. Диссертация на соискание ученой степени к.филос.наук. М., 1978.
196. Ленин В.И. Государство и революция. // Ленин В.И. Избранные произведения в трех томах. Т.2. М., 1975.
197. Лондонская конференция Первого Интернационала 17-23 сентября 1871 г. Протоколы и документы. М., 1988.
198. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
199. Лурье С.Я. Антифонт. Творец древнейшей анархической системы. М., 1925.
200. Лурье С.Я. Предтечи анархизма в древнем мире. Вып.1. М., 1926.
201. Ляшенко Л.М. Революционные народники. М., 1989.
202. М.С-к. Проблема свободы. // Неттлау М. Очерки по истории анархических идей. Детройт, 1991.
203. Макарова Е.А. Общественно-политические взгляды английского социального утописта, историка и писателя Уильяма Годвина. Диссертация на соискание ученой степени

к.ист.наук. М., 1989.

204. Маккай Дж.Г. Анархисты. М., 1906.

205. Маккай Дж.Г. Макс Штирнер, его жизнь и учение. СПб., 1907.

206. Малатеста Э. Избранные сочинения. Пб., 1919.

207. Малинин В.А. История русского утопического социализма. Вторая половина XIX-начало XX века. М., 1991.

208. Малинин В.А., Шинкарук В.И. Левое гегельянство. Критический анализ. Киев, 1983.

209. Мамут Л.С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. М., 1989.

210. Мандель Д. Рабочий контроль за заводах Петрограда. М., 1994.

211. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

212. Мапельман В.М. Опыт прочтения работы М.А.Бакунина «Государственность и Анархия». М., 1991.

213. Маркин В.А. От географии к анархизму. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.

214. Маркин В.А. Петр Кропоткин. Иркутск, 1992.

215. Маркс К., Энгельс Ф. Альянс Социалистической Демократии и Международное Товарищество Рабочих. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т.18. М., 1961.

216. Маркс К. К критике гегелевской философии права. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т.1.

217. Маркс К. Конспект книги Бакунина «Государственность и Анархия». // Маркс К., Энгельс Ф. Издание второе. Т.18. М., 1961.

218. Маркс К., Энгельс Ф. Мнимые расколы в Интернационале. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. Т.2. М., 1983.

219. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.4. М., 1933.

220. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. М., 1987.

221. Маркс К. О Гаагском конгрессе. // Маркс К., Энегельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т.18. М., 1961.

222. Маркс К. О Прудоне. // Маркс К., Энгельс ф. Избранные произведения в трех томах. Т.2. М., 1983.
223. Маркс К. Павлу Васильевичу Анненкову. // Маркс К. Нищета философии. М., 1987.
224. Маркс К. Политический индифферентизм. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т.18. М., 1961.
225. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.
226. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995.
227. Маршев В.И. История управленческой мысли. М., 1987.
- 228 Матвеев С.А. Под флагом «левого» бунтарства. М., 1986.
229. Материалы для биографии М.Бакунина (под ред. В.Полонского). Т.1, 2, 3. М.-Л., 1923-1928.
230. Матьез А. Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995.
231. Махно Н. Воспоминания. М., 1992.
232. Мелкобуржуазная экономия и мелкобуржуазный социализм. Сисмонди, Луи Блан, Прудон в избранных отрывках. (Составил В.Семенов). М.-Л., 1926.
233. Мелье Ж. Завещание. Т.1-3. М., 1954.
234. Михаил Александрович Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987.
235. Михаил Бакунин (сб.статей). М., 1926.
236. Михаил Бакунин. 1876-1926. Неизданные материалы и статьи. М., 1926.
237. Михаил Бакунин – о государстве. // Анархизм (сб.). СПб., 1907.
238. Михайлов М.И. Борьба против бакунизма в I Интернационале. М., 1976.
239. Мкртчян А.А. «Всякого угнетателя личности я ненавижу». // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.2. М., 1992.
240. Мндоянц С.А. М.А.Бакунин и левое гегельянство. // Вестник московского университета. Серия: философия. 1996. № 6.
241. Мндоянц С.А. П.А.Кропоткин. // Кропоткин П.А. Хлеб и Воля. Современная наука и Анархия. М., 1990.

242. Мндоянц С.А. Философия анархизма в России второй половины XIX – начала XX веков: М.А.Бакунин, П.А.Кропоткин (историко-критический анализ). Диссертация на соискание ученой степени к.филос.наук. М., 1987.
243. Моисеев П.И. Критика философии М.Бакунина и современность. Иркутск, 1981.
244. Моисеев П.И. Философия и эволюция воззрений М.А.Бакунина (30-40 и 70 гг. XIX в.). Иркутск, 1973.
245. Мор Т. Утопия. М., 1978.
246. Мортон А.А. Английская утопия. М., 1956.
247. Мунье Э. Персонализм. М., 1992.
248. Мяло К.Г. Под знаменем бунта (очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950 – 70-ых годов). М., 1985.
249. Назаров А.А. Уроки реализма: П.А.Кропоткин в годы революции. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.
250. Налимов В.В. Канатоходец. М., 1994.
251. Налимов В. Об истории мистического анархизма в России. // Путь. 1993. № 3.
252. Нахов И.М. Кинизм и цинизм. Отжившее и живое. // Живое наследие античности. М., 1987.
253. Нахов И.М. Философия киников. М., 1982.
254. Нерсисянц В.С. Политические учения Древней Греции. М., 1979.
255. Неттлау М. Бакунин. // Михаилу Бакунину 1876-1926. Очерки истории анархического движения в России (сб. статей под ред. Алексея Борового). М., 1926.
256. Неттлау М. Жизнь и деятельность Михаила Бакунина. Пб.-М., 1920.
257. Неттлау М. Очерки по истории анархических идей. Детройт, 1991.
258. Никитин А.Л. Анархо-мистики Кропоткинского музея и масонство. // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1995.
259. Никитин А.Л. К событиям 20-ых гг. вокруг Кропоткинского музея. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.2. М., 1992.
260. Никитин Е.П., Харламенкова Н.Е. Проблема самоутверждения личности в философии и

психологии (к истории проблемы). // Вопросы философии. 1995. № 8.

261. Никулин А.М. Литературно-эстетические взгляды П.А.Кропоткина. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.

262. Ницше Ф. Антихристианин. // Сумерки богов (сб.). М., 1990.

263. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 1994.

264. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. // Ницше Ф. Избранные произведения в двух томах. Кн.2. М., 1990.

265. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990.

266. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. // Ницше Ф. Злая мудрость. М., 1993.

267. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.

268. Новомирский Я. Манифест анархистов-коммунистов. М., 1917.

269. Новомирский Я. П.Л.Лавров на пути к анархизму. Пг., 1922.

270. Общественное движение в России в начале XIX в. Т.1 – 3. СПб., 1909.

271. Олейников Д. Анархо-гуманизм Алексея Борового. // Община. 1990. № 47.

272. Олейников Д.И. Образ М.А.Бакунина в общественном сознании. // Памяти М.А.Бакунина. М., 1990.

273. Олицкая Е. Мои воспоминания. Т.1-2. Франкфурт-на-Майне, 1971.

274. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. // Вопросы философии. 1989. № 3, 4.

275. Оруэлл Дж. Сочинения в двух томах. Пермь, 1992.

276. Осинковский И.Н. Томас Мор. М., 1985.

277. Отверженный Н. М.Штирнер и Достоевский. М., 1925.

278. П.А.Кропоткин в 1917 году: первые впечатления от революционной России. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.

279. П.А.Кропоткин и его учение. Интернациональный сборник. (Под ред. Г.П.Максимова). Чикаго, 1931.

280. Павленко Г.В. Вильгельм Вейтлинг. М., 1985.

281. Памяти Петра Алексеевича Кропоткина (сб.статей). М.-Пг., 1921.
282. Петр Алексеевич Кропоткин. Указатель литературы 1921-1992 гг. (составители Беленький И.А., Старостин Е.В.). М., 1992.
283. Петрищев А.Б. М.А.Бакунин. Пг-М., 1923.
284. Пирумова Н.М. Александр Герцен: революционер, мыслитель, человек. М., 1989.
285. Пирумова Н. Бакунин. М., 1970.
286. Пирумова Н.М. Бакунин в Сибири. // Вопросы истории. 1986. № 9.
287. Пирумова Н.М. Бакунин или Нечаев? // Прометей. 1968. № 5.
288. Пирумова Н.М. «Быть свободным и освобождать других...» // Встречи с историей. Вып.3. М., 1990.
289. Пирумова Н.М. Гуманизм и революционность Петра Кропоткина. // Вопросы философии. 1991. № 11.
290. Пирумова Н.М. Михаил Бакунин. Жизнь и деятельность М., 1966.
291. Пирумова Н.М. Мятежный князь. // Аргументы и факты. 1990. № 40.
292. Пирумова Н.М. Новое о Бакунине на страницах французского журнала. // История СССР. 1968. № 4.
293. Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972.
294. Пирумова Н.М. Петр Кропоткин и Лев Толстой. // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1995.
295. Пирумова Н.М. Социальная доктрина М.А.Бакунина. М., 1990.
296. Письма М.А.Бакунина. // Литературное наследство. Т.96. М., 1985.
297. Письма М.А.Бакунина к А.И.Герцену и Н.П.Огареву. СПб., 1906.
298. Письма П.А.Кропоткина М.И.Гольдсмит, А.А.Боровому, А.Шапиро. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.
299. Письма П.А.Кропоткина о революционном насилии. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.
300. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т.1-4. М., 1990-1994.

301. Политическая история Россия в партиях и лицах. М., 1993.
302. Политические битвы в странах капитала. М., 1971.
303. Политические деятели России 1917. Биографический словарь (ред. П.В.Волобуев). М., 1993.
304. Полонский В. Михаил Александрович Бакунин. М., 1920.
305. Полянский Ф.Я. Критика экономических теорий анархизма. М., 1976.
306. Полянский Ф.Я. Социализм и современный анархизм. М., 1973.
307. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.1-2. М., 1992.
308. Прокофьев В. Герцен. М., 1987.
309. Пронякин Д. Анархизм: исторические претензии и уроки истории. Л., 1990.
310. Просветительское движение в Англии (сб. под ред. проф. Н.М. Мещеряковой). М., 1991.
311. Прудон П.Ж. Бедность как экономический принцип. М., 1908.
312. Прудон П.Ж. Война и мир. Исследование о принципе и содержании международного права. Т.1-2. М., 1864.
313. Прудон П.Ж. Искусство, его основания и общественное назначение. СПб., 1985.
314. Прудон П.Ж. История конституционного движения в XIX столетии. // Французские конституции XIX столетия и Наполеон III. Часть I. СПб., 1871.
315. Прудон П.Ж. Литературные майораты. Разбор проекта закона, имеющего целью установить бессрочную монополию в пользу авторов, изобретателей и художников. Пб., 1865.
316. Прудон П.Ж. Письма к А.И. Герцену. // Герцен А.И. Собрание сочинений в семи томах. Т.7. М., 1975.
317. Прудон П.Ж. Порнократия или женщины в настоящее время. М., 1876.
318. Прудон П.Ж. Предостережение собственникам, или Письмо г-ну Виктору Консидерану, редактору газеты «Фаланга», о защите собственности. // Анархия и Власть. М., 1992.
319. Прудон П.Ф. Французская демократия. СПб., 1867.
320. Прудон П.Ж. Что такое собственность или исследование о принципе права и власти. М., 1919.

321. Пуже Э. Основы синдикализма. Пб.-М., 1922.
322. Пустарнаков В.Ф. М.А.Бакунин. // Бакунин М.Ф. Философия, социология, политика. М., 1989.
323. Пустарнаков В.Ф. М.А.Бакунин как философ. // Михаил Александрович Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987.
324. Пустарнаков В.Ф. Михаил Бакунин против Иммануила Канта. // Кант и философия в России. М., 1994.
325. Пустарнаков В.Ф. Познавательное и ценностное в мировоззрении молодого Петра Кропоткина. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.
326. Рамус П. Вильям Годвин как теоретик коммунистического анархизма. М., 1925.
327. Рассел Б. История западной философии. М., 1959.
328. Рейхель А. Воспоминания о Бакунине. // Драгоманов М.П. Михаил Александрович Бакунин. Казань, 1906.
329. Реклю Э. Анархия, М., 1917.
330. Реклю Э. Эволюция, революция и идеал анархизма. М., 1917.
331. Речи анархистов перед судом государственников. Киев, 1919.
332. Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995.
333. Ростиславлева Н.В. Мозес Гесс о Прудоне. // Анархия и Власть. М., 1992.
334. Русская литературная утопия (под ред.В.П.Шестакова). М., 1986.
335. Рутенберг В.И. Кампанелла. Л., 1956.
336. Рябов П.В. К вопросу об антропологии М.А.Бакунина. // Научные труды МПГУ им. В.И.Ленина. Серия: социально-исторические науки. М., 1995.
337. Рябов П.В. Проблема личности в учении П.А.Кропоткина. // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1995.
338. Рябов П.В. Человек бунтующий: философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю. // Возрождение России: проблема ценностей в диалоге культур (материалы второй Всероссийской научной конференции 1-3 февраля 1995 г.). Ч.1. Нижний Новгород, 1995.
339. Савинков Б. Воспоминания террориста. М., 1991.

